

**Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (РАБОЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

Общественное большинства

1.

*Ракитский
Борис Васильевич¹*

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА

*(о задаче формирования и развития
фундаментального классового обществоведения)²*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Культура трудящихся эксплуатируемых классов предполагает, несомненно, и такую важную составную часть, как общественно-научные исследования.

Научные исследования - познавательная часть практики класса, столь же важная, как и образовательная (просветительская) часть классовой практики. Исследования и образование - мало схожие виды интеллектуальной (умственной) работы, хотя этими профессионально разными видами деятельности по нехорошей традиции занимается множество одних и тех же специалистов.

При развитии Университета класса, борющегося за освобождение от эксплуатации, главная задача состоит, конечно же, не в том, чтобы резко разделить, отделить, оторвать исследовательскую работу от преподавательской или преподавательскую от исследовательской. Главная задача - не принять преподавательскую комментаторскую работу за исследования и из-за такого недосмотра не оставить

---

¹ *Ракитский Б.В. (1936) - доктор экономических наук, профессор, научный и методологический руководитель Интернационального университета трудящихся и эксплуатируемых (РАБОЧЕГО УНИВЕРСИТЕТА), заведующий кафедрой обществознания этого университета. Закончил экономический (1959) и философский (1969) факультеты МГУ им. М.В.Ломоносова.*

² *Приложение к Концепции Интернационального университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего университета).*

класс без собственных (на собственной идеологии базирующихся) фундаментальных и глубоких прикладных исследований.

Есть и будут люди, занятые одновременно (или попеременно) преподаванием, практикой и исследованиями. Выдающиеся идеологи и теоретики движения, несомненно, будут заняты и практикой, и преподаванием, и исследованиями. Но более или менее массовая (много-численная) часть специалистов (преподавателей и исследователей) и практиков-профессионалов, обслуживающих движение, не может действовать эффективно, не специализируясь **по преимуществу** либо на исследованиях, либо на преподавании, либо на практической организационной и политической работе.

К чему я веду? Конечно же, не к тому, что научные обществоведческие исследования классового предназначения должны развиваться как кастово обособленная деятельность. Мне кажется важным с самого начала подчеркнуть совсем другое: **должная познавательная мощь научных обществоведческих исследований классового предназначения обеспечивается в решающей мере** не тем, что время от времени напишут практики или преподаватели (или что они родят в дискуссиях), а **профессиональной исследовательской деятельностью.**

Отсюда и магистральная постановка проблемы: **как нам организовать нашу классовую общественную науку?**

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ - НЕ ОТДЕЛЁННОЕ ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ, А ВЫДЕЛЕННОЕ (ОТЛИЧНОЕ) В НЕЙ

Рабочие, крестьяне, все наёмные и ненаёмные эксплуатируемые трудящиеся не отделяются от гражданского общества, не уходят из него, а осознают себя в нём как социальные группы, самоорганизуются для

гражданского действия в своих социально-групповых (классовых) интересах. Соответственно с этим и классовое научное познание не рвёт с общественным процессом познания закономерностей развития общества, а находит своё место в этом процессе, выполняет социальный заказ своего класса (своих классов, своего движения).

В общественных науках нет ничего внеклассового и надклассового (кроме, может быть, ряда самых общих и общеизвестных, азбучных истин). Общество структурно, состоит из социальных групп, классов, каст, общностей, слоёв. Соответственно с этим и знания об обществе формируются и используются в "классовой расфасовке". Первичные добытчики знаний об общественных явлениях не обязательно обременены отчётливой классовой принадлежностью, классовым видением и чётким следованием классовым интересам. Первично добытые знания (измерения социальных процессов, фиксирование фактов, интерпретации, оценки, догадки, даже гипотезы и теории, даже методы исследования) представляют собой большой массив сведений, предположений, объяснений, постановок вопросов, суждений и т.п. Однако общественно организованные социально-групповые, классовые действия (практические действия) опираются не на этот большой массив первичных сведений, а на ту или иную их систематизацию, научные (теоретические) системы. Классовые основания в относительно малой мере свойственны добыванию первичных сведений (хотя сама предметная направленность внимания, не просто созерцающего, а всматривающегося в окружающий мир, испытывает, конечно, культурное, а тем самым и классовое влияние). Зато научная систематизация знаний об обществе основана в решающей мере на классовом интересе, на классовом подходе, на классовом видении мира.

Идеологии (социально-групповые, классовые мировоззрения) выступают классово ориентирующими

факторами для систематизации научных знаний и для выбора в качестве основы систематизации той или иной научной методологии (культуры научного мышления). В научном общественнознании, таким образом, одновременно сосуществуют (в состоянии идейной борьбы) несколько классовых научных систем и несколько научных методологий. В развитом демократическом обществе ситуация всегда именно такая, а в обществе с подавленной демократией и в диктаторских обществах ряд научных систем может быть подвергнут утеснениям и даже запрету. В тоталитарных (фашистских) обществах научное общественнознание фактически приостанавливается или упраздняется в фазе становления фашистского режима (в СССР это были 30-40-е годы) и допускается в жалком деформированном виде в период загнивания и разложения фашизма (в СССР это 60-80-е годы).

Множественность идеологий, методологий и научных систем в обществоведении - исключительно важная общественная ценность. Это свидетельство гражданских свобод и реальных возможностей для каждого класса формировать, укреплять, культивировать своё классовое общественнознание как составную часть классовой культуры (общественного пространства жизни класса).

Властвующий класс стремится к доминированию и обычно доминирует во всех сферах общественной жизни, включая и сферу научного сознания. В эксплуататорских обществах властвующий класс составляет обычно меньшинство населения, а эксплуатируемые классы - большинство. Эксплуатируемое большинство считает систему эксплуатации несправедливой, считает систему эксплуатации несправедливым основанием общественного устройства. Идеология эксплуататорских классов и соответствующие ей научные системы знаний об обществе призваны либо обосновать справедливость, прогрессивность, незаменимость, вечность эксплуатации, либо увести проблемы эксплуатации из сферы научного

познания. И с таким социальным заказом классовое обществоведение эксплуататоров должно завоевать и удерживать доминирование в сфере научного знания об обществе. Естественно, столь сложная и в принципе нерешаемая задача порождает множество тактических схем - научных на вид, но крайне зыбких, малосодержательных и недолговечных.

Чаще всего эти схемы объявляются внеклассовыми, надклассовыми, деидеологизированными, совершенно беспристрастными и т.п. На самом деле они выполняют свою классовую функцию. И выполняют её прежде всего тем, что заполняют собою всё общественное пространство научного сознания, вытесняют из него как "немодные", "устаревшие" научные системы, отражающие интересы эксплуатируемых классов.

Задача классового обществознания эксплуатируемых классов - не заглохнуть в зарослях буржуазных научных схем, систем, новинок, сенсаций в области знаний об обществе, а консолидироваться, устоять, развиваться и быть пригодным движениям, организациям, партиям, профсоюзам, ведущим классовую политическую работу в интересах трудящихся и эксплуатируемых.

Нашему классовому обществознанию не надо отделяться от первичного массива знаний об общественных процессах. Надо черпать из него факты, измерения, оценки, объяснения и т.п. и вносить в этот массив свои наработки.

Нашему классовому обществознанию целесообразно быть в курсе обществоведческих разработок, обслуживающих интересы эксплуататорских классов и групп. Однако ни в коем случае ни ознакомление с этими разработками, ни критика этих разработок с наших классовых позиций не должны становиться центральной задачей для нашего классового обществознания. Опровержение чужих ошибок и уловок, разоблачение классового умысла, обнажение классовой идеологической

сути постановок и принципиальных решений - всё это неплохо и нелишне, но не это формирует собственную идеологию и собственное классовое обществознание.

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА - ТАКОВА НАША ЛИДЕРСКАЯ УСТАНОВКА

Главная созидательная задача в области научных исследований в классовых интересах трудящихся и эксплуатируемых - собрать воедино, сконцентрировать, развить, оформить в современную научную систему знания об обществе и о человеке в обществе, отвечающие собственному мировоззрению (собственной идеологии) трудящихся и эксплуатируемых, то есть **собственной идеологии большинства** населения. Классовое обществознание такого типа можно и для краткости, и для обозначения сути называть "обществознанием большинства". Это будет и претензией (целевой установкой), и обязательством, и мерой ответственности одновременно.

Установка на создание и развитие обществознания большинства есть с самого начала лидерская установка. Ею подчёркивается, что в современном обществоведении обозначает себя существенный самостоятельный сектор, отражающий собственную идеологию многочисленных социальных групп (классов) и общностей трудящихся и эксплуатируемых.

Обществознание большинства начинается не с нуля и не заново. Оно наследует достижения развитой освободительной и особенно социалистической мысли, начиная с Томаса Мора (16 век).

Добротный фундамент обществоведения большинства уже имеется. В течение почти 500 лет общественная мысль Европы пыталась систематически и притом научно осмыслить социальные процессы, социальные результаты и социальные перспективы развития не вообще, а с позиций интересов большинства

и представлений большинства о Справедливости и Несправедливости. Невозможно датировать начало этого осмысления. **Только условно** можно обозначить явную веху - появление системы представлений о справедливом обществе, созданном не богами, а усилиями самого общества. Эта веха - книга Т.Мора "Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове "Утопии" (1516).

Социалистическая мысль как поприще, на котором обозначена начальная веха - "Утопия" Т.Мора, выбирается нами не случайно. Социалистическая идеология была и навсегда останется собственной классовой идеологией трудящихся и эксплуатируемых.

Руководящие идеи исторических выступлений угнетённых и эксплуатируемых (от бунтов и восстаний до крестьянских и национально-освободительных движений и войн, до антифеодальных, антиимпериалистических, антитоталитарных движений, народных фронтов и революций); системы социалистов-утопистов; марксизм; идеологии социалистических революций; идеологии социал-реформизма; идеологии народнических, демократических и правозащитных движений; идеологии анархо-синди-калистов и анархо-коммунистов - всё это наше наследство, всё это ценный материал, ценные фрагменты, ценные корни, ценные соки для создания обществоведения большинства. Водоразделы, отделяющие ценное наследие от зрящего, от уводящих в тупик направлений мысли, имеются. Главных из них два:

1) Для обществоведения большинства неприемлемы (как разъедающие его основополагающие идеи и принципы) любые идеи, теории и идеологии, направленные на стратегический компромисс с эксплуататорской системой, на стратегическое социальное партнёрство, на отказ от желательности и необходимости революционного переустройства мира на социалистических основаниях. Социализм при этом

служит критерием соответствия интересам трудящихся и эксплуатируемых и понимается не вкривь и вкось, а ортодоксально: социализм есть создание жизнеспособной (способной к устойчивому самовоспроизведению на собственных основах) общественной системы без эксплуатации и на этой основе уничтожение эксплуатации как общественной системы. При этом - что первостепенно важно - социализм и социалистическое переустройство общества есть процесс и результат **самоосвобождения** трудящихся и эксплуатируемых, вырастающий из их массовой классовой самоорганизации. Не бог, не царь, не герой, не спонсор, не социальный партнёр избавляют от эксплуатации как общественной системы. От неё эксплуатируемые освобождаются **сами**, но не каждый сам по себе (сие нереально для подавляющего большинства), а **сами как класс**, то есть сами, действующие классово (политически).

Такой водораздел отделяет собственное обществоведение большинства от любых религий и организуемых церковью общественных движений, от любых буржуазно-либеральных и социал-партнёрских утопий и “соци-ализмов”.

2) Для обществоведения большинства решительно неприемлемы, чужды и крайне опасны любые течения мысли, идеи, идеологии и теории, подстрекающие к действиям массы в качестве толпы, а не в качестве политически самоорганизованной классовой силы. Корень неприемлемости и опасности - в допущении (и даже желательности для враждебных нам идеологий и теорий) превращения массы в слепое орудие исторических действий в руках вождей, фюреров, “руководящих и направляющих” авангардных партий. Признаком, позволяющим различать эти опасные идеи, идеологии и теории, является трактовка ими реальной роли, реальных дел трудящейся массы.

Среди неприемлемых можно назвать любые тоталитарные идеологии и практики (сталинизм,

гитлеризм, маоизм, пол-потовщина и др.), троцкизм, любые виды идеологий и практик, основанных на религиозном или ином фанатизме. Неприемлемыми и настораживающими являются компоненты антиглобалистских движений, культивирующие разрушительные, погромные действия и методы действий, свойственные толпе ("чёрный легион", погромы макдональдсов, бовизм вообще, штурм стен и баррикад, специально для этого выстроенных властями).

Всё идейное, идеологическое, теоретическое наследство, от которого мы не отказываемся, следовало бы научно-исторически обозреть, сделать массово доступным для современных трудящихся и эксплуатируемых, вовлечь в культурный оборот (в культурный обиход) нашего класса. Это во-первых. А, во-вторых, хорошо было бы тщательно осмыслить и выявить, как в тех или иных практических исторических ситуациях подмена собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых чуждыми идеологиями приводила к утрате завоёванного, к поражениям, к перерождениям. Для России особенно актуально научно изучить, как были потеряны завоевания Октябрьской революции, как произошла сталинская контрреволюция, как получилось, что несколько поколений людей в нашей стране искренне были уверены (и до сих пор уверены), что жили при социализме, строили социализм, тогда как жили при тоталитаризме, жестоко эксплуатировались тоталитарным режимом, не различая фашистской сути общественных процессов за социалистической фразеологией.

ОСНОВНЫЕ И ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО УНИВЕРСИТЕТА НА ПОПРИЩЕ СТАНОВЛЕНИЯ И КУЛЬТИВИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ БОЛЬШИНСТВА

Уясняя основные и первоочередные задачи становления и культивирования обществознания

большинства и самоопределяясь в этом контексте, Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых, по сути дела, вырабатывает как общую программу фундаментальных классовых исследований, так и свою "учрежден-ческую" программу участия в таких исследованиях.

С самого начала мы видим возможности и необходимость координации исследований. В полной мере согласованная работа Университета уже сейчас возможна и ведётся с Институтом перспектив и проблем страны Российской академии естественных наук, с Квебекским институтом международных исследований и обучения, со Школой трудовой демократии (Россия), со Школой трудовой демократии Украины, с Комитетом содействия рабочему движению и самоуправления трудящихся (Комитет "Содействие"). Сотрудничество по ряду направлений и по отдельным исследовательским темам намечается с некоторыми другими исследовательскими центрами и структурами, а также с некоторыми отдельными исследователями.

Две исследовательские задачи являются ныне и фундаментально глубокими, и масштабными, и, без преувеличения, основополагающими. Их невозможно обозначить как первую и вторую. Они обе первые и совершенно синхронно решаемые, то есть две ипостаси фактически единой задачи. Это:

- систематизация нашего классового обществознания на основе возрождения целостно обществоведческой методологии и обновления собственной идеологии демократического движения за самоосвобождение от эксплуатации;

- возрождение целостно обществоведческой методологии и обновление собственной идеологии демократического движения за самоосвобождение от эксплуатации в ходе и на основе содержательной систематизации классового обществознания трудящихся и эксплуатируемых.

Огромное 500-летнее идейное и научное наследство, опыт общественных и классовых движений и битв, опыт поражений, неудачи практических попыток по-социалистически переустроить жизнь людей и народов, опыт столкновения с яростной антисоциалистической пропагандой, опыт социального партнёрства (сколь прагматически выигрышный, столь же стратегически ущербный), идеологические и теоретические разработки выдающихся учёных и социальных мыслителей, правозащитная борьба, профсоюзная работа, акции солидарного действия... Разве этого мало для глубоких обобщений, для обновления теорий и идеологии?

История социалистической и коммунистической мысли демонстрирует нам её известную непоследовательность. основополагающие лидерские идеи оказываются использованными не в полную меру, а иной раз - отодвинутыми на второй-третий планы. Из-за этого происходило и происходит "заболачивание" нашего классового обществознания, река нашей классовой истины перестаёт быть проточной, теряются лидерские позиции.

Лидерские идеи нашего классового обществознания - это идея свободного развития каждого как условие свободного развития всех и идея единства-целостности (по-старинному - материальности) общества. Именно возрождение приоритетности этих идей как системообразующих для собственной идеологии нашего класса и для систематизации нашего классового обществознания является магистральной исследовательской задачей. Её успешное решение обещает (именно обещает, а не сулит), во-первых, преодоление вульгарно-материалистического подхода к обществу (с его односторонними детерминизмами - экономическим материализмом, демографическим детерминизмом, научно-техническим детерминизмом и т.п.). Во-вторых, оно обещает развить до должной степени гуманизм нашей классовой идеологии и нашего

классового обществознания и поставить в них на должное место знания о человеке в обществе (в противовес тлетворной буржуазной доктрине “человеческого капитала”).

Под эгидой обозначенной магистральной исследовательской установки может и должна быть проделана масштабная и разнообразная научная работа. Не стремясь очертить полный круг дел, обозначим лишь некоторые их типы, которые можно и нужно начинать (или продолжать) прямо сейчас, работая и порознь, и коллективно, и в координации.

1. Научно обоснованная реабилитация социалистической (коммунистической) идеи. Историческая практика 19 20 веков дала череду идейных и практических социальных деформаций, к которым понятия “социализм” и “коммунизм” оказались причастными или припутанными (политика “военного коммунизма”; национал-социализм гитлеризма; социализм в СССР; великие сталинские стройки коммунизма; программа коммунистического строительства в СССР; доктрины развитого социализма и реального социализма; социалистические страны народной демократии в Центральной Европе; социализм в КНР и в КНДР; подавление якобы антисоциалистических восстаний в Кронштадте и Будапеште; подавление как антисоциалистических революций “Пражской весны” и польской “Солидарности”; троцкизм, сталинизм и маоизм как якобы развитие марксистско-ленинского учения и др.).

К счастью, никто не отождествляет социалистическую идею с национал-социализмом гитлеровской идеологии. Однако с тоталитарными идеологиями и практиками сталинизма, маоизма, пол-потовщины и др. такое отождествление сплошь и рядом происходит.

В результате такого отождествления массовое сознание населения СССР в период четвёртой русской

революции приняло крах тоталитаризма за крах социалистической и коммунистической идеи и согласилось с капиталистическим выбором “за неимением иного варианта”. При западное левое сознание восприняло антитоталитарную и антиимперскую революцию в СССР как контрреволюцию (отход от социализма к капитализму) и заговорило о кризисе социалистического проекта.

Требуется серьёзная и последовательная идеологическая и научно-исследовательская обществоведческая работа, чтобы выявить действительную, глубоко враждебную социалистической идее природу не только идеологии и практики тоталитаризма, но и идейно-теоретических вульгаризаций и практических деформаций.

2. Задача научно обоснованной реабилитации социалистической (коммунистической) идеи не должна ставиться и решаться в догматическом или апологетическом ключе. То есть она не должна ставиться как задача отстаивания канонической истинности каждого отдельного и всех вместе положений классиков социалистической идеи или социалистической доктрины. Наша задача - не защитительные аргументы на суде истории, а идеологическое и теоретическое перевооружение революционного социалистического движения. По очень крупному счёту, социалистическая идеология и социалистическая теория за последние 100-120 лет больше потеряли, нежели приобрели. И при этом они потеряли главное: они перестали владеть массами, сознанием масс, то есть перестали быть реальной влиятельной общественной силой (материальной силой)³.

---

³ “Теория осуществляется к каждому народу всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей. ... Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли”. И перед этим знаменитое: “Оружие критики не может, конечно, заменить критики

Массы не обращаются к социалистической теории и к социалистической идеологии, полагая, что знают их, учились им в школе и в вузе, тогда как учились на самом деле сталинизму.

Наша задача не в том, чтобы поколебать отторжение массами сталинизма. Напротив, наша задача упрочить это отторжение⁴. Но при этом показать, что социализм - полный антипод отторгаемого сталинизма (фашизма). И показать, каков он. Этого нельзя показать иначе, как на подходах к реальным современным жизненным проблемам. Таким образом, созидательная работа по реабилитации социалистической (коммунистической) идеи может быть успешно проведена не иначе, как на поприще поиска и нахождения радикального (то есть доходящего до корней, до глубинных причин) решения всего круга злободневных проблем, касающихся интересов и социального положения трудящихся и эксплуатируемых масс. Это означает упор не на изучение текстов и оттенков смыслов (что тоже требуется), а больше всего на выработку стратегий и приоритетов общественных действий, на выработку реалистических стратегических и поэтапных программ действий, на

оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами”. Путь к овладению массами - понимать вещи в их корне, жизнь - в её корнях. (Карл Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. Том 1. М.: Политиздат. 1955. Стр. 423 и 422.

⁴ *В период горбачёвской перестройки нередко встречались попытки спасти социалистическую идею таким примерно способом: в СССР всё же был социализм, а концлагеря, репрессии, цензура, рабский труд, лживая пропаганда, карательная психиатрия и т.п. - это от неразвитости, это от незрелости социализма. У меня лично при этом всегда был наготове каверзный вопрос: если он в неразвитом виде такой бесчеловечный, то каким же станет, когда созреет?*

социально-политическую активизацию трудящихся и эксплуатируемых.

3. Центральная практическая задача становления и культивирования обществознания большинства (и это же самое - залог его успешного становления и культивирования) - идейное и теоретическое обслуживание процесса обустройства общественного пространства жизни трудящихся и эксплуатируемых классов (класса).

Концепция общественного пространства жизни класса выдвинута нами в противовес разнообразным левацким представлениям о социалистической революции. Эти представления основываются на уверенности, что рабочий человек и рабочий класс **в любой момент** готов взять власть и воспользоваться ею в интересах трудового народа. Мы считаем такую позицию и невежественной, и политически безответственной. А нормальной и политически ответственной считаем позицию, согласно которой трудящиеся и эксплуатируемые как общественный класс должны постоянно и упорно наращивать не только свою решимость взять власть, но обязательно и свою реальную готовность грамотно и в интересах трудового народа применить эту власть на практике. "Учиться управлять государством" каждая кухарка должна не когда-нибудь в будущем, не с того момента, когда трудящиеся доверят ей власть, а заранее, уже сейчас.

Наша позиция по этому вопросу выражена отчётливо. Вот одно из таких её выражений:

"Опыт классовой борьбы трудящихся и эксплуатируемых преподал нам важнейший урок: успешно бороться и идти к классовой победе, удерживать классовую победу может только культурный класс. Культурным является класс, выработавший, усвоивший, осознавший и культивирующий собственную идеологию и собственную систему гуманитарных ценностей.

Культурный класс развивает и обустроивает в обществе своё культурное пространство - общественное пространство жизни класса. Именно в этом культурном пространстве накапливается, передаётся новым поколениям, вызревает и крепнет культура классовой борьбы, необходимая и достаточная для ощутимых тактических побед и для грядущей стратегической революционной классовой победы.

Развитие общественного пространства жизни класса (культурного классового пространства) - одно из слабых мест в рабочем движении и других освободительных движениях”⁵.

Задачи Рабочего Университета на поприще становления и культивирования общественности большинства - это задачи классового научно-образовательного центра в общей работе. Конечно же, главная задача Университета - налаживание (обустройство) той части общественного пространства жизни класса, которая фокусируется вокруг высшего классового гуманитарного образования трудящихся и эксплуатируемых. Понятно, что такое образование невозможно вне увязки, во-первых, с собственной идеологией класса, во-вторых, - с классовой фундаментальной и прикладной общественной наукой, в-третьих, - и это центральная связь - с практикой классовой борьбы. Только так, говоря словами В.И.Ленина и воспроизводя его постановку задачи, можно и нужно “УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ”.

Университет развернёт кафедры. Они станут учреждениями, в корне непохожими на хорошо известные гуманитарные кафедры советских и современных

---

⁵ *ДЕКЛАРАЦИЯ о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета) от 19 декабря 2001 года. - Периодическое издание “Университетский ВЕСТНИК” {ИУТЭ (РУ)} №1. 2004. Стр.7-8.*

российских вузов. Главные, принципиальные отличия будут следующими:

а) кафедры Рабочего Университета будут центрами высшего **классового** образования и **классовой** гуманитарной науки, основанными не на идеологии господствующих в обществе классов, а на собственной идеологии класса (классов) трудящихся и эксплуатируемых;

б) образование и исследования будут органично соединены на кафедрах нашего университета, а не разъединены, как на гуманитарных кафедрах современных российских (и бывших советских) вузов. Комментаторской псевдонауке, компиляторству, науке на грантах (когда грантодатель задаёт правильный результат "научного поиска") не будет места на кафедрах нашего Университета.

Ради развития обществознания большинства и как научный печатный орган Рабочего Университета решено создать периодическое издание (журнал) "Обществознание большинства". Перед этим изданием должна стоять всего одна большая задача - стать и быть средоточием лучших достижений нашего классового обществознания, трибуной живой творческой мысли и содержательных научных дискуссий. Опыт такого рода периодических изданий у нас уже накоплен (периодические издания "Перспективы и проблемы России" - более 30 выпусков с 1994 г.; "Трудовая демократия" - почти 50 выпусков с 1996 г.; "Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа" - 5 выпусков с 2001 г. и др.).

Становление и культивирование обществознания большинства - дело действительно исторического масштаба, первостепенной социально-политической важности и очень высокой сложности. За достижения в этой области никогда не будут давать Нобелевских премий (разве только антиНобелевские). Но достижениями в этой области будут по праву гордиться

не только их авторы, но и то самое большинство, ради борьбы за самоосвобождение которого от эксплуатации эти достижения сделаны.

Обществознание большинства - это такое поприще, которому стоит посвятить жизнь.

Библиотека обществознания большинства

Ракитская Галина Яковлевна

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). - Москва. Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

Давид Мандель

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НА ЗАВОДАХ ПЕТРОГРАДА, или почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь уроки для сегодняшнего дня? (перевод с английского) - Москва. Школа трудовой демократии. 1994. 58 с.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

Манифест коммунистической партии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Том 4. М.: Госполитиздат. 1955. Стр. 419 - 459.

Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я.

Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. - Москва. Институт перспектив и проблем страны. 1998. 72 с.

*Давид Мандель*⁶

---

⁶ *Давид Мандель (Марк Давид Мандель) (1947) - доктор философии (по социологии), соректор Интернационального университета трудящихся и эксплуатируемых (РАБОЧЕГО УНИВЕРСИТЕТА), заведующий кафедрой истории рабочего движения этого университета.*

Борьба трудящихся за социальные права: о роли идеологии

“Список требований любого профсоюза оказывал больше влияния на эволюцию нашего общества, чем все библиотеки, наполненные писаниями официальных наших социальных мыслителей”. (Пьер Трюдо, будущий Премьер-министр Канады, в книге “Забастовка в городе Асбест”, 1956 год)

В 1948 году Генеральная ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Статья 23 декларации провозглашает: “1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы; ... 3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения”. Хотя для большинства населения планеты еще далеко от этих слов до его реальной жизни, эта декларация была важной вехой в борьбе трудящихся за достойное существование.

Когда эта декларация была принята, она представляла собой отказ от либеральной идеологии невмешательства государства в “свободное действие рынка”, которая до тех пор господствовала. (На практике, конечно, государства издавна вмешивались в экономику, но на стороне капитала.) Декларация качественно расширила понятие “гражданские права”: кроме политических, они теперь включали и социальные права. Общество, в лице государства, формально признало свою обязанность обеспечить трудящимся достойную жизнь, защищать их от социальных рисков, присущих

капиталистическому строю: безработица, болезнь, инвалидность, старость, и т. п.

Параллельно с декларацией ООН в конце Второй мировой войны буржуазные политики и социальные мыслители западных стран провозгласили начало “государства благосостояния” и “социального государства”. В этом духе во время избирательной кампании 1944 года тогдашний Премьер-министр Канады Маккензи Кинг обещал канадцам “новый общественный строй”. В течение последующих трех десятилетий западные государства внедрились или значительно расширили ряд социальных программ, в том числе пенсионное обеспечение, страхование против безработицы, компенсации за инвалидность от производственных травм и болезней, бесплатное образование и здравоохранение, пособия и субсидированное жилье для бедных. Они также взяли на себя ответственность за обеспечение более или менее полной занятости и достойной минимальной зарплаты.

В учебниках истории и политологии того времени этот поворот в социально-экономической политике западных государств обычно представлялся как естественное развитие понятия “гражданство”, которое раньше ограничивалось формально политическими правами. Почему это случилось, было не очень понятно. Но во всяком случае, в этой версии государство и буржуазия выступали как прозревшие благодетели.

Но если смотреть на этот вопрос “снизу”, с точки зрения трудящихся, он несколько иначе выглядит. Вопрос социальных обязанностей государства давно был объектом жесточайшей идеологической и политической борьбы. Борьба идей одновременно отражала практическую классовую борьбу и самым тесным образом участвовала в ней.

В феодальном обществе подавляющее большинство трудящихся были крестьянами. Они жили от своего надела земли и от общих лугов, лесов, рек. Это была

эксплуататорская система: определенную часть своего труда крестьяне принудительно отдавали без компенсации барину в форме оброка или барщины. Зато царило правило, согласно которому зажиточные элементы общества обязаны были делиться своим богатством с нуждающимися в периоды нехватки. По традиционному праву барин обязан был открыть свои запасы подчиненным ему крестьянам в годы неурожая. Побуждения дворян были разными, включая стремление к уважению в этой жизни и к спасению души в будущем. Но, наверно, главным соображением была необходимость укреплять в крестьянстве сознание (идеологию) взаимных обязанностей. Это содействовало сплочению того сословного общества и предотвращало восстания. С точки зрения же крестьян, милосердие было центральным элементом системы социальных прав, которые вместе взятые составляли “моральную экономику” традиционного общества.

Но с распространением капиталистических отношений и наёмного труда появился новый класс имущих - буржуазия, которая враждебно относилась к традиционным социальным правам. Она считала их нарушением божьих и естественных законов. У буржуазии собственность принимает форму капитала. Капитал накапливается не за счет принудительного труда крепостных, как в феодальном обществе, а за счет найма “свободного” труда. По мере того, как трудящиеся лишались собственных средств производства – у крестьян силой отбирали землю, а ремесленники разорялись от конкуренции с капиталистической мануфактурой – они превращались в *пролетариат*, т.е. в класс трудящиеся, лишённых средств производства, которые под принуждением голода – а уже не под принуждающим воздействием прямой физической (политической) силы – должны были продавать свою рабочую силу капиталистам.

Новая форма эксплуатации (а форма эксплуатации определяет основной характер всего общественного строя, включая характер его господствующей идеологии) объясняет отрицательное отношение буржуазии к традиционным формам милосердия, как и ко всем социальным правам трудящихся: для людей, лишённых средств выживания, милосердие могло служить альтернативой наёмному труду. Уже в 14 веке в Англии был принят “Закон о трудящихся”, который, среди прочего, запрещал давать милостыню, “потому что многие бедняки, пока они могут жить от попрошайничества, отказываются трудиться, отдаваясь бездельничанью и порокам и иногда воровству и иным безобразиям; поэтому под страхом заключения запрещается давать что-либо под видом милосердия или милостыни тем, кто может трудиться, чтобы они принуждены были трудиться для своего выживания”.⁷ С другой стороны, власти стали сурово карать трудоспособных бедняков, которые занимались бродяжничеством и попрошайничеством, вплоть до применения к ним смертной казни при трехкратном нарушении.

В качестве оправдания наступления на традиционные социальные права трудящихся (и также как оружие борьбы против власти дворян) буржуазия выдвигала либеральную (от латинского слова “*liber*” -- свободный) идеологию, согласно которой экономическая сфера общества должна быть строго отгороженной от политической. Экономические отношения, которые складывались в результате развития капитализма, преподносились как естественные, а не как результат действий людей. Идеология утверждала, что как в природе, так и в экономике царствуют неизменные законы. Когда политические власти удерживаются от вмешательства, экономическая деятельность

---

⁷ *W. J. Chambliss, “A Sociological Analysis of the Law of Vagrancy,” Social Problems, m. 12, №.1, 1964 г. стр. 68.*

рациональных, своекорыстных индивидуумов приводит к общему благосостоянию и общественному согласию. Из этого следует, что роль государства должна ограничиться функциями “ночного сторожа”, т.е. защитой прав частной собственности, обеспечением свободного действия рынка и соблюдения договоров, защитой общественного порядка и государственных границ. Если в результате этого многие попадают в отчаянную нищету, а меньшинство становится баснословно богатым, то это в конечном счете на всеобщее благо, ибо сосуществование нищеты и богатства не является признаком несправедливости. Наоборот, рынок, действуя по своим верным, естественным законам, должным образом наказывает ленивых и бесталанных и награждает трудолюбивых и достойных. Поэтому результат “экономической свободы” всегда является оптимальным для общества. Такова логика буржуазного либерализма.

Наступление буржуазии на социальные права трудящихся сталкивалось, конечно, с сопротивлением. До появления крупномасштабной машинной промышленности в начале 19 века главной целью коллективного сопротивления трудящихся была защита государственного регулирования цены хлеба, главного источника питания трудящихся. Например, Англия в течение 18 века пережила целый ряд народных волнений, спровоцированных непомерным ростом цены на хлеб. Хотя большинство историков увидело в них стихийные “бунты желудка”, т.е. несознательную реакцию толпы на голод, исследования знаменитого марксистского историка Э. П. Томпсона выявили очень значительный уровень организованности и четкую идеологию трудящихся масс⁸.

Трудящиеся защищали не только возможность своего проживания (больше половины семейного дохода уходило на хлеб, когда цены росли), но и исконное свое социальное право, согласно которому власти обязаны

---

⁸ E.P. Thompson, “The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century,” *Past and Present* № 50, 1971 г., стр. 76-136.

были регулировать рынок хлеба, начиная от фермера и кончая пекарем, в периоды нехватки, чтобы обеспечить выживание семей трудящихся. Но буржуазия (фермеры, купцы-посредники, мельники) все больше отвергала государственное регулирование сбыта хлеба, осуждая его как посягательство на свою свободу, т.е. свободу распоряжаться своей собственностью и извлекать из нее максимальную прибыль. Лозунг буржуазных идеологов был: “Пусть хлеб течет, как вода, и он найдет свой уровень!”⁹. На что идеологи трудящихся отвечали: “Это нельзя назвать свободой гражданина или человека, который живёт под защитой любого общества. Это скорее свобода дикаря. Поэтому тот, кто себе требует такой свободы, не заслуживает защиты такой силы, какую обеспечивает Общество”¹⁰.

Угроза народных “бунтов” долго сдерживала власти, на которых влияние дворянства было еще значительным. Но испуг дворянства перед Великой французской революцией 1789 года нарушил, наконец, социальное равновесие Англии, толкая дворян в сторону буржуазии и в сторону жесткого подавления всех коллективных действий народа. Добровольческие отряды, которые сформировались в ответ на угрозу вторжения революционных войск из Франции, существенно укрепили репрессивный аппарат государства, которое оправдывало свои действия либеральной идеологией. А репрессии, в свою очередь, содействовали победе либеральной экономики над традиционной “моральной экономикой”.

В самой Франции, трудящиеся (“санкюлоты”) также защищали государственное регулирование цен на продукты питания. И оппозиция к нему со стороны буржуазии играла важную роль в консервативном перевороте 1794 года (Тер-мидор). После политической победы буржуазии, экономика была “освобождена”, что

---

⁹ Там же, стр. 89.

¹⁰ Там же, стр. 86.

привело к массовому обнищанию и голоду среди трудящихся.

Таким образом, подходила к концу одна фаза борьбы трудящихся за социальные права и начиналась новая – борьба трудящихся уже не как потребителей, а как производителей, как борьба эксплуатируемых против своих эксплуататоров. Зимой 1795 года во Франции под идейным руководством Ф. Бабёфа появился “Заговор равных”¹¹, первая попытка превратить коммунистический идеал в реальность. Через несколько лет в Англии создались первые подпольные профсоюзные организации. Началась организованная борьба за повышение зарплаты, за ограничение рабочего дня, за политические права неимущих. В феврале 1848-го года восставшие трудящиеся Парижа требовали “социальной республики”. Буржуазия пришлось согласиться на ряд социальных реформ, включая девятичасовой рабочий день и “право на труд”, которое приняло конкретную форму организации общественных работ (“Национальных мастерских”) для 100,000 безработных. Но менее чем через полгода (после кровавого подавления рабочего движения войсками генерала Кавеньяка) Временное правительство отменило все социальные права.

Идеология и практика торжествующей буржуазии четко показывают ее неприязнь к социальным правам. Но, с другой стороны, какая-нибудь поддержка бедных необходима для сохранения стабильности общественного строя. В докапиталистическом обществе традиционные

---

¹¹ Бабёф Франсуа Ноэль (1760-1797) - французский утопический коммунист, вождь “Заговора во имя равенства”. Пропагандировал идеи “самого совершенного равенства”, при котором “всё будет общим” и “будет достигнуто абсолютно равное распределение”. В основе представлений о “самом совершенном равенстве” лежали теория естественного права и свойственное ей идеалистическое представление об абстрактной, или естественной справедливости. Бабёф был казнён (гильотинирован) после раскрытия заговора по доносу. (Примечание ответственного за выпуск).

социальные права поддерживали идеологию взаимных обязанностей классов, привязывая крестьян к господствующему классу под единым Богом и тем самым смягчая классовые противоречия. Но проблема, которая встала перед буржуазией, заключалась в следующем: как оказывать милосердие, не ослабляя тем самым стимула к наёмному труду на условиях выгодных для капитала?

Постепенно вырабатывались принципы капиталистического милосердия, принципы, которых буржуазные идеологи и политики до сих пор придерживаются, хотя они могут от них временно отступать под давлением трудящихся. Стоит подчеркнуть, что речь идет именно о милосердии, а не о социальных правах, ибо понятие “право” связано с понятием “гражданство”, тогда как и либеральная идеология, как мы видели, стремится отгораживать экономику от политики. Милосердие отличается от права своим произвольным характером: “Дам, если захочу; не дам, если не захочу”.

Первый принцип буржуазного милосердия: государство должно отказаться от помощи трудоспособным и поэтому нанимаемым нищим. И это независимо от того, есть или нет свободные рабочие места. Только нетрудоспособные считаются “достойными нищими” и заслуживают поддержки. А “трудоспособность” следует определить как можно шире для того, чтобы поддержать предложение рабочей силы на рынке труда, ибо чем сильнее предложение (иными словами, чем больше трудящихся гоняется за ограниченным числом рабочих мест), тем больше давление на зарплату в сторону ее уменьшения.

Другой принцип, который также укрепляет “стимул к труду”: условия жизни пользующихся государственной поддержкой должны быть непривлекательными и на самом деле позорными. Они должны вызывать отвращение у трудоспособных нищих, для того чтобы те предпочитали даже самую тяжелую и низкооплачиваемую наёмную работу милосердию. В течение 18 и 19 веков

буржуазные “реформаторы” с частичным успехом стремились поселять “достойных” нищих в “домах бедности”, которые на самом деле были домами деградации, болезни и полуголода. Это было условие для получения помощи. Выдающийся австрийский экономист Карл Поляный написал об этом: “Нежные филантропы предлагали и применяли психологическую пытку для смазывания колес фабрики труда.”¹²

К. Маркс сказал, что законодательное ограничение рабочего дня, которого добилось рабочее движение Англии в середине 19 века, доказывает, что политическая экономия рабочего класса способна победить политическую экономию капитала, если рабочие поднимаются на политическую борьбу. Первые социальные программы для поддержки трудящихся, которые не в состоянии обеспечить выживание своей семьи продажей своей рабочей силы на рынке труда, были введены в Германии в 1880-е годы в ответ на подъём Социал-демократической партии, которая получила 124,655 голосов на парламентских выборах 1871-го года и уже 493,000 голосов в 1877 году. Ультрареакционный канцлер О.Бисмарк реагировал на эту угрозу кнутом и пряником. Партия была запрещена от 1878 г. до 1890 г., но в 1883 году было введено обязательное страхование трудящихся от болезни (пособия выдавались до 13 недель). В страховой фонд платили рабочие, работодатели и государство. В 1884 году было введено обязательное страхование от производственных травм. Обе программы были “универсальными”, т.е. ими пользовались все трудящиеся, вне зависимости от их материального состояния. Поддержка выдавалась **как право**, а не как позорящее милосердие.

Об этих социальных программах О.Бисмарк сказал: “Ес-ли бы не существовало социалистическое движение,

---

¹² K. Polanyi, *The Great Transformation*, Boston: Beacon Press, 1957, s. 82.

если бы не была масса людей, испуганных его подъемом, те скромные меры, которые мы ввели в социальную сферу, были бы невозможны... Мы убеждены..., что репрессии должны сопровождаться реальным прогрессом для трудящихся”¹³.

С развитием крупной машинной промышленности и подъемом рабочего движения изменялось соотношение классовых сил. Борьба трудящихся постепенно расшатывала господство либеральной идеологии, которая, казалось, получила смертельный удар в результате Великой депрессии 1930-ых годов и Второй мировой войны. Депрессия, самый глубокий кризис капитализма за всю его историю, сильно дискредитировала идеологию невмешательства государства в экономическую жизнь. Еще сильнее было влияние Второй мировой войны. В неоккупированных западных странах мобилизация экономики для нужд войны создала полную занятость. Спрос на рабочую силу укреплял уверенность и требовательность трудящихся. Но везде сама логика борьбы против фашизма радикализировала сознание трудящихся, которые в фашизме видели признак разложения капиталистического строя. (В 1930-х годах буржуазия, включая американскую, вообще положительно, даже с энтузиазмом, относилась к фашизму). Столько пожертвовав ради победы, народ не хотел вернуться к обанкротившейся системе.

Это во многом объясняет признание социальных прав Декларацией прав человека ООН и вышеупомянутые заявления западных лидеров об открытии новой эры “государства благосостояния”, как будто эра капитализма была позади. Страх перед коммунизмом был реальным, тем более, что СССР в результате войны стал второй сверхдержавой.

---

¹³ C. Cole, *Economic History of Europe*, Boston: Heath, 1952 г., стр. 695.

Тридцать “золотых” послевоенных лет отличались от предыдущей истории капитализма не только количеством новых или расширенных социальных программ, но и их *универсальным* характером. Речь шла теперь о социальных гражданских правах, не о милосердии. Главные универсальные программы были: страхование против безработицы, выплаты матерям для содержания детей, пенсии по старости, бесплатное здравоохранение. Например, в Канаде в середине 1960-х годов было введено бесплатное здравоохранение за счет государственного бюджета. Врачи, больницы, все медицинские услуги стали одинаково доступными всем гражданам. Богатые, даже если хотели, теперь не могли платить из своего кармана и перескочить очередь. Универсальность программы обеспечивала равенство медицинских услуг. Если бы она была ограничена лишь менее имущими слоями населения, как это хотели либеральные реформаторы, создалась бы двухклассовая система: качественная для зажиточных и второсортная для остальных. Универсальный характер программы устранил необходимость унижительной проверки доходов пользователей. К тому же он создал среди политически влиятельных зажиточных слоев населения кровную заинтересованность в поддержке качества и количества услуг.

Не следует преувеличивать щедрость “государств благосостояния”, уровень которой значительно отличался от страны к стране (самый скудный уровень был в США, где рабочее движение было слабее, не имея даже своей партии). И все-таки в этот период государства в какой-то мере брали на себя обязательство защищать трудящихся от рисков, присущих капиталистической экономике, поддерживать уровень их жизни, когда они не могли это делать продажей своей рабочей силы на рынке труда. В том же духе они обязывались поддержать полную занятость. В те годы уровень безработицы редко

поднималась выше 5 процентов, и это уже считалось кризисом.

Изменение соотношения классовых сил, конечно, не полностью объясняет "золотые тридцать лет". Были и объективные причины, содействующие появлению "государства благосостояния". Когда война приходила к концу, буржуазия сама опасалась, что экономика опять погрузится в маразм депрессии. Поскольку государственные социальные программы поддерживают спрос на потребительском рынке, они стимулируют экономическую деятельность. На самом деле западный капитализм после войны вступил в период небывало длительного бума – экономика быстро росла, норма прибыли оставалась высокой. Это содействовало примирению буржуазии с признанием социальных прав, хотя она это делала скрепя сердце.

Ситуация начала изменяться в 1970-е годы. Этому предшествовал мощный подъем рабочего движения конца 1960-ых и начала 1970-ых годов. На первый взгляд, трудно понять, чего трудящиеся хотели, против чего так протестовали. Ведь они никогда так не были защищены. Но дело именно в том, что социальная защита придала уверенность трудящимся, особенно молодому поколению, которое не знало депрессии 1930-х годов. Не столь обремененные борьбой за выживание, они острее ощущали всю несправедливость, нерациональность, и антидемократичность системы "наёмного рабства". Но несмотря на популярность идеи социализма, движение не поднялась до уровня, когда оно могло бы ставить его как практическую цель. Напор снизу не был достаточно мощным, чтобы устранить реформистское руководство профсоюзных и политических организаций трудящихся (включая коммунистические партии).

Несмотря на это, капитал был сильно обеспокоен требовательностью и радикализмом движения. И он решил, что пора дисциплинировать рабочий класс, умерять его аппетит. К тому же, послевоенный бум

приходил к концу к середине 1970-ых годов; международная конкуренция заметно ожесточалась; норма прибыли падала. Капитал, естественно, искал выход в усилении нормы эксплуатации и в приватизации государственных предприятий и услуг. Это и предопределило совместный поход работодателей и государства на социальные права трудящихся.

Наступление капитала, которое не обошлось без жестких репрессивных мер против трудящихся (например, широкое применение М. Тэтчер омовцев против бастующих шахтеров Англии; массовое увольнение бастующих авиадиспетчеров США Р.Рейганом), сопровождалось мощным идеологическим походом на социальные права и “государство благосостояния”. В первой половине 1970-х годов стали появляться статьи и книги, предупреждающие об “угрозе демократии”. Авторы били тревогу относительно пагубных последствий для “демократии” (читай: “капитализма”) от вторжения экономических требований трудящихся в политическую сферу. Они объясняли, что “западные” (читай: “буржуазные”) демократии были под угрозой “перегруженности” социальными требованиями. “Демократия” становилась “неуправляемой”. В исследовании, заказанном комиссии крупного капитала Европы, Японии и Северной Америки, видный политолог Гарвардского университета заключил, что “существуют потенциально желаемые пределы неопределенному расширению политической демократии”¹⁴. Словом, надо было восстановить в сознании людей перегородку, отделяющую экономику, т.е. социально-экономические требования трудящихся, от политики. Как оказалось, либеральная (теперь уже “неолиберальная”) идеология невмешательства государства в “свободное” действие рынка не умерла после войны. Она за это время

---

¹⁴ M. Crozier, S. P. Huntington, J. Watanuki, *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*, N.Y.: NYU Press, 1975 г., стр. 115

теплилась в душах буржуазии, ее идеологов и политиков, дожидаясь подходящего момента для выступления.

Эффективному сопротивлению трудящихся этому наступлению мешал сильный рост безработицы. Они боялись терять свои рабочие места, и это подрывало уверенность трудящихся в их коллективной силе. Государственные деятели, ученые, и журналисты убеждали теперь, что создавать рабочие места - не есть функция государства. Оно может только создать условия для того, чтобы частный капитал желал это делать. Они призывали трудящихся "временно" идти на уступки. Буржуазные экономисты вдруг "открыли", что (официальная) норма безработицы в 8-9% — "естественная".

Сопротивление трудящихся было осложнено еще и растерянностью их профсоюзных и политических лидеров, которых наступление буржуазии застало врасплох. Они (включая коммунистов) были в основном реформистами и относились к капиталистическому строю как незаменимому. Но они считали, что трудящиеся могут улучшать свое положение без того, чтобы при этом капитал страдал. Их аргумент, вслед за теорией видного английского экономиста Д.М.Кейнса, был следующим: когда зарплаты растут, растет и спрос; на это капитал реагирует новыми вложениями и созданием новых рабочих мест. Все в выигрыше. Конечно, иногда не обойтись без борьбы, ибо капитал по природе своей близорукий и жадный. Но сама система считалась добротной и не нуждалась в радикальных переменах. Но если эта теория более или менее соответствовала действительности во время "тридцати золотых лет", то теперь ситуация уже в корне изменилось. Теперь снижение стоимости труда и других производственных издержек стало приоритетным для капитала. Но политическая и идеологическая зависимость лидеров трудящихся от капитала (в их стратегии все в конце концов зависело от свободного желания буржуазии вкладывать свой капитал) не позволяла им адекватно

реагировать на новую ситуацию и выработать эффективную стратегию сопротивления. На самом деле не сопротивление нужно было, а контрнаступление. Только оно могло увенчаться успехом.

Наступление капитала оказалось удивительно успешным. Оно продолжается до сегодняшнего дня. Его главные достижения: значительное ослабление рабочего движения и соответственное повышение нормы эксплуатации труда. Доля прибыли в национальном доходе значительно возросла за счет уменьшения доли зарплаты. Неравенство в западном обществе достигло уровня 1920-ых годов. Реальные зарплаты трудящихся стагнируют или понижаются несмотря на сильный рост продуктивности. Социальные права постепенно демонтируются даже в таких моделях "социального государства", как Швеция и Германия. Конечно, богатые капиталистические страны еще далеки от уровня незащитности трудящихся в таких полупериферийных странах, как Россия и Украина. Но и сопротивление трудящихся в богатых странах намного сильнее.

На сегодняшний день социальные права значительно подорваны, но еще далеко до ситуации 19 века, когда они даже формально не признавались. Неолиберальная идеология сегодня опять на коне, но она не господствует так безраздельно, как раньше. Мы пытались в этом очерке показать, что идеологическая борьба отражает соотношение классовых сил в обществе и одновременно участвует в этом соотношении. Мы хотели также показать, что соотношение классовых сил является определяющим фактором в социально-экономическом положении трудящихся.

Библиотека
обществознания большинства

Фридрих Энгельс

Внешняя политика русского царизма. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Том 22. М.: Госполитиздат. 1962. Стр. 11 - 52.

Фридрих Энгельс

Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Том 2. М.: Госполитиздат. 1955. Стр. 231 - 517.

Фридрих Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Том 21. М.: Госполитиздат. 1961. Стр. 269 - 317.

Д.Мандель

КЛАССОВАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Классовая независимость – идеологическая ориентация в рабочем движении, которое выдвигает *стратегической* целью освобождение труда от эксплуатации, от экономического и политического гнета капитала. Эта стратегия в свою очередь подразумевает опору рабочего движения главным образом на *собственные классовые силы*. Хотя она не исключает союзов с другими социальными силами, разделяющими цели трудящихся, она решительно *отвергает союзы, которые влекут за собой подчинение рабочего движения интересам капитала*.

Главной конкурирующей идеологией внутри рабочего движения является “социальное партнерство”. “Социальное партнерство” по-разному истолковывается, но в его основе всегда лежит идеология, согласно которой труд и капитал имеют общий основной интерес - успех данного предприятия и экономики страны вообще. А

успех определяется “конкурентоспособностью”, то есть способностью предприятия (страны) раздавить своих конкурентов, поглотить их или уничтожить как агентов рынка.

Принятием буржуазного критерия успеха сторонники “партнерства” отдают рабочее движение в зависимость от интересов капитала, ибо поддержка “конкурентоспособности” *на практике* означает содействие капиталу в деле эксплуатации труда. Это участие в соревновании, во имя которого работодатели просят от “своих” трудящихся “войти в положение”, работать дешевле и интенсивнее, чем трудящиеся на конкурирующих предприятиях и в других странах, и на практике выступать в качестве гладиаторов¹⁵ по отношению к ним. Фактически это призыв участвовать в “гонках ко дну”, поскольку всегда найдутся предприятия и страны, где работают еще дешевле и интенсивнее. Опыт “вхождения в положение предприятия” убеждает, что уступки работодателю никогда не гарантируют сохранения рабочих мест и тем более восстановления предыдущего уровня зарплаты и условий труда, когда финансовое положение предприятия поправляется.

Сторонники классовой независимости добровольно не участвуют в конкуренции капиталистов. Наоборот, они стремятся к тому, чтобы зарплаты и условия труда трудящихся не зависели от прибыльности данного

---

¹⁵ *Гладиатор - участник боя “на выживание” на арене. Гладиатор (раб или военнопленный) был вынужден убить врага или погибнуть. Врагом был другой гладиатор или дикий зверь. Бои гладиаторов практиковались в Древнем Риме вплоть до 5 века как увлекательное зрелище для публики. У края арены римского Колизея стоит ныне огромный крест - и как память убитым, и как покаяние убивавших и азартно жаждавших убийства. В каком месте будет установлен знак подобного смысла, напоминающий о зверском характере частнокапиталистической конкуренции? Уж не на глобусе ли опустошённой такой конкуренцией планеты Земля? (Прим. редактора выпуска)*

предприятия, т.е. чтобы зарплата и условия были одинаковыми по отрасли, и по возможности даже по стране. Они стараются исходить из *общих, классовых интересов трудящихся* при выработке своих позиций и формулировании требований, потому что положение трудящихся в конечном итоге зависит от соотношения общеклассовых сил.

Сторонники классовой независимости не могут, конечно, игнорировать реальной зависимости трудящихся от работодателей (буржуазии) при капитализме. Если предприятие не прибыльное – собственник его закроет, и не будет ни зарплаты, ни рабочих мест. Они допускают необходимость уступок работодателю, если соотношение сил явно не в пользу трудящихся. Но расстановка сил выясняется только в *борьбе*. Уступать можно, но только после того, как возможности эффективного сопротивления исчерпаны и когда *сами члены профсоюза* (а не профлидер единолично, как часто бывает) в этом убедились. А взамен вынужденных уступок они добиваются для себя нефинансовых уступок от работодателя - таких, как, например, контроль (надзор) над финансовой деятельностью предприятия, устранение произвола в системе оплаты труда и в применении правил внутреннего порядка, свободный доступ к заводской газете и радио, и т.п.

В противоположность этому “социальные партнеры” уступают без реального сопротивления и не добиваются взаимных уступок. Это они оправдывают общей заинтересованностью трудящихся и работодателя в успехе предприятия. Само понятие “соотношение сил” им чуждо, ибо они считают, что нет почвы для борьбы. Если возникает конфликт, его объясняют непониманием одной или другой стороной ее истинных интересов.

Поскольку идеология классовой независимости подразумевает опору на собственные силы, она заставляет трудящихся объединиться в борьбе с товарищами на других предприятиях, в других отраслях и

странах и отдавать предпочтение общеклассовым требованиям. Идеология "социального партнерства", наоборот, подрывает классовую солидарность, ибо она привязывает трудящихся к "своему" работодателю и к "своему" государству, заставляет трудящихся выступать в качестве гладиаторов по отношению к трудящимся других предприятий и стран. Она подрывает и внутрипрофсоюзную демократию, поскольку при отсутствии борьбы нет необходимости в активном участии трудящихся в жизни организации. Наоборот, активные "низы" только могут мешать лидерам "войти в положение" и дать согласие на "непопулярные" меры.

Сторонники "партнерства" утверждают, что ему нет альтернативы кроме разве открытой, нескончаемой классовой войны, пагубной для всех сторон. Но даже самые решительные сторонники классовой независимости признают, что предприятия не могут функционировать без хотя бы минимального сотрудничества между трудящимися и работодателями (администрацией). Не в сотрудничестве-то дело, а в том, что сторонники классовой независимости *не признают легитимности* власти работодателей - ни на отдельных предприятиях, ни в обществе. Богатство ведь создает класс трудящихся. Он же должен по праву им распоряжаться. Власть капитала *узурпирована* (несправедливо присвоена) у народа. Она возможна лишь благодаря перевесу капитала в соотношении классовых сил.

Отсюда стратегическая цель – изменить соотношение сил в пользу трудящихся вплоть до того, чтобы стало возможным ставить на практике вопрос о полном устранении власти капитала и ее замене народно-демократическим строем, строем без эксплуатации. Такой строй и есть социализм. Эта долгосрочная перспектива придает сторонникам классовой независимости исключительную стойкость в борьбе даже в периоды, когда большинство трудящихся

пассивны и считают безнадежными коллективные действия.

“Классовая независимость” -- это, конечно, не панацея, которая гарантирует трудящимся победу. Это идеологическая ориентация, нацеленная на свержение власти капитала. Но везде капитал сегодня сильно преобладает; трудящиеся на редкость слабые и зависимые от него. Столкновение стратегии “классовой независимости” с этой капиталистической реальностью не всегда позволяет легкое определение целей и тактик в конкретных ситуациях. Но она по крайней мере открывает возможность трудящимся двигаться вперед, даже если стратегическая цель (мир без эксплуатации, социализм) кажется далекой. С другой стороны, опыт последних тридцати лет, периода наступления капитала, убедительно доказывает, что стратегия “партнерства” -- проигрышная для трудящихся и что капиталистическое общество без социалистической альтернативы обречено деградировать до варварских форм общественной жизни.

Библиотека
обществознания большинства

Ракитский Б.В. Концепция социальной политики для современной России. - М.: ИППС. 2000. 47 с.

**К столетию начала
первой русской революции 1905 -1907 г.г.**

Два документа (без комментариев)

**ПЕТИЦИЯ РАБОЧИХ И ЖИТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА
ДЛЯ ПОДАЧИ НИКОЛАЮ II¹⁶**

---

¹⁶ Первоначальный текст составлен Г.А.Гапоном, затем подвергся многочисленным поправкам, отражающим настроения рабочих. Печатается по: “Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов” - М.: Издательство Московского университета, 1996. Стр. 251-254

9 января 1905 года

Государь!

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, - нам отказали в праве говорить о наших нуждах, что такого права за нами не признает закон. Незаконны также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8 в день; устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия; рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 руб. в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба - преступление, а наше желание улучшить наше положение - дерзость, оскорбительная для них.

Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди

только по виду, только по наружности, - в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека - значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правитель~~ство~~ довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибел~~и~~. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью ~~которых~~ ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, - умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты - эксплуататоры рабочего ~~к~~ласса и чиновники - казнокрады и грабители русского народа. Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему

народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, - пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, - и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Но одна мера все же не может залечить наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

Необходимы:

1. *Меры против невежества и бесправия русского*

народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантии законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производственных и профессиональных рабочих союзов - немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом - немедленно.

6) Нормальная заработная плата - немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном

страховании рабочих - немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, - мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу...

ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Манифест 17 октября 1905 г.¹⁷

{... } Мы, Николай **второй**, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроенье народное и угроза целости и единству державы нашей.

---

¹⁷ Царский Манифест был издан в разгар всероссийской политической стачки. Главную роль в его подготовке сыграл С.Ю.Витте - в то время Председатель Совета Министров. С.Ю.Витте считается автором текста Манифеста. Печатается по: "Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов" - М.: **Издательство** Московского университета, 1996. Стр. 251-254

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям **принять** меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилия, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для **успешнейшего** выполнения жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог **воспринять** силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и **вместе** с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле. [...]

Ракитская

Галина Яковлевна¹⁸

Забытые уроки первой русской революции (ответы на неактуальные еще вопросы)

В основе текста – выступление 28 сентября 2004 г. на научно-практической конференции, посвященной 100-летию первой русской революции 1905-1907 гг. Конференция была организована Центром поддержки профессиональных союзов и гражданских инициатив - ПРОФЦЕНТРОМ и редакцией федеральной газеты "Представитель власти".

Какое значение имеет для нас исторический опыт первой русской революции? Может ли быть он полезен российским трудящимся в современных условиях?

Приходится констатировать, что сегодня, к сожалению, исключено или, по меньшей мере, крайне затруднено прямое извлечение практических уроков из положительного и негативного опыта революционного прошлого - не только первой, но и двух других революций в России начала XX века. Но не потому, что существенным образом изменились социально-экономические условия жизни и проблемы трудящихся и опыт столетней давности просто устарел. Нынешнее положение и жизненно важные проблемы трудящихся как раз принципиально (по сути) не отличаются от начала прошлого века.

Главная причина не востребованности социальной практикой революционного опыта предшествующих

---

¹⁸ *Ракитская Галина Яковлевна (1939) - доктор экономических наук, соректор Интернационального университета трудящихся и эксплуатируемых (РАБОЧЕГО УНИВЕРСИТЕТА), заведующая кафедрой социально-трудовых проблем, социальной политики и рабочего движения этого университета. Закончила экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1962) и аспирантуру Института экономики Академии наук СССР (1978).*

поколений – отсутствие в современной России сколько-нибудь широкого классово самостоятельного движения эксплуатируемых трудящихся. Другими словами, в стране **нет общественного субъекта, способного воспринять прошлый опыт борьбы трудящихся, извлечь из него уроки.**

Неспособность осмыслить опыт прошлого и практически воспользоваться им коренится при этом не в интеллектуальной неразвитости трудящихся, а в отсутствии у них такого минимального уровня политической организованности и политической активности, который предполагает нужду в реальном знании основных событий своей собственной истории. В противном случае современные российские трудящиеся уже извлекли бы уроки хотя бы из четвертой русской революции (1989-1991 гг.), т.е. из событий, участниками или созерцателями которых они только что были.

За время существования в СССР казарменного (фашистского типа) режима была утеряна вся накопленная ранее трудящимися культура коллективного сопротивления, не говоря уже о культуре действительно классовой борьбы. Казарменный режим подавлял любые формы несанкционированной властями социальной активности. Режим целенаправленно формировал (и сформировал) не активных граждан, способных сохранить и развить прежние традиции солидарных совместных действий для отстаивания своих интересов, а политически пассивную разрозненную массу людей, задавленных страхом репрессий, утративших способность к самоорганизации и совместной борьбе. Строго говоря, в СССР рабочие не были классом в научно точном смысле этого слова: не были самостоятельным общественным субъектом, представленным в социально-политической жизни собственными независимыми организациями и движениями. Некому было поэтому ни по достоинству оценить, ни критически отнестись к революционному социальному опыту трудящихся старой Российской

империи, некому было сохранить и развить этот опыт, перенести его в наше время. Не забудем, что тоталитаризм формирует сознание не просто пассивной массы, но толпы, нуждающейся не в опоре на уроки массовых народных движений, а в опоре на вождя (фюрера). Вот это наследие тоталитаризма и сказывается в современной российской истории чем дальше, тем отчетливее.

Оживление российского общества в конце 1980-х - начале 1990-х годов сулило надежду на восстановление "связи времен" в развитии культуры социального действия трудящихся, на возрождение культуры организованной классовой борьбы. Такую надежду вселяла антитоталитарная (общедемократическая) направленность четвертой русской революции. Ее главные завоевания - новые правовые нормы буржуазно-демократического характера - открывали, казалось бы, простор для развития социальной и политической активности трудящихся.

Однако в ходе и в результате шоковых глобализационных реформ новой власти в опережающем режиме пошли процессы разрушения производства, нарастания открытой и скрытой безработицы, процессы социальной деградации общества и люмпенизации трудящихся. Самой настоятельной для большинства стала (и остается до сих пор) не потребность объединиться для борьбы за достойную жизнь, за демократические и действительно социалистические (последовательно гуманистические) ценности и цели, а потребность **приспособиться к новым условиям, чтобы биологически выжить**. Тем самым возможности самоорганизации трудящихся, появившиеся благодаря политическим достижениям антитоталитарной революции, на деле были заблокированы. Не успев толком начаться, прервался процесс превращения разрозненной **массы** трудящихся и эксплуатируемых в **класс** (говоря словами К.Маркса, в "класс для себя") –

сознательно самоорганизованную социальную силу, действующую активно и самостоятельно, на основе собственной идеологии и стратегии.

Ни новые, ни (тем более) старые профсоюзы не смогли выдвинуть и не выдвигают до сих пор собственных ясных целей и программ в противовес государственной социально-экономической политике. Профсоюзы постоянно запаздывают с осознанием сути происходящего, демонстрируют невысокий уровень претензий и осторожность выдвигаемых требований, когда все же решаются на организацию коллективных действий.

С начала 1990-х годов много раз возникали и сейчас постоянно возникают обстоятельства, **требующие и достойные общеклассовой политической борьбы** трудящихся – согласованных повсеместных выступлений, общероссийских политических стачек, мощного внепарламентского давления на власти и капитал.

Однако ни шоковые реформы в целом, ни принятие нового Трудового кодекса, ни введение единого социального налога и проекты его снижения не вызвали реального сопротивления трудящихся.

Митинги, демонстрации, пикеты, забастовки, даже “рельсовые войны” и голодовки стали в России обычным явлением. Но все это (исключая разве что пикет 1998 г.), как правило, не выходит за пределы локальных конфликтов, причем конфликтов по преимуществу из-за невыплат заработной платы. Очевидна, казалось бы, неприемлемость для трудящихся нового тура социальных реформ, задуманного и осуществляемого федеральными властями с 2000 г., – реформ, которые делают обвальным рост и без того чрезмерных социальных рисков безработицы, нищеты, бездомности, безземельности, опускания трудящихся на “социальное дно”. Но и эти реформы не наталкиваются на сколько-нибудь действенное сопротивление – ни на многомиллионные

уличные выступления, ни на серьезные забастовки в ключевых звеньях хозяйства.

Массовые акции, особенно в последние годы, организуются фактически лишь с одобрения и под контролем, а то и по инициативе властей, проходят под красивыми, но расплывчатыми общими лозунгами. Дополнением, выпускающим пары и сеющим иллюзии в среде трудящихся, служат телевизионные дебаты между "дежурными" политиками, причем дебаты, как правило, по частным вопросам.

Профсоюзная борьба в России (как и гражданское сопротивление в целом) носит очаговый, эпизодический и, за редким исключением, **протестно-оборонительный** характер. От такого сопротивления до **целенаправленной наступательной** борьбы на основе собственной классовой идеологии и стратегии – дистанция огромного размера.

В постсоветской России как не было, так и нет ни одной влиятельной политической организации, выросшей "снизу" – из рабочего, профсоюзного или социальных движений. Партии, заявляющие себя защитниками трудового народа, не имеют реального политического веса, а чаще просто лукавят. Новейшие попытки провозгласить партии для представительства профсоюзов на политическом уровне рождают декоративные, недемократические по своему устройству и недолговечные структуры под деляческую задачу прорыва узких групп лиц в депутатские кресла.

Неудивительно, что сейчас так же, как и в советские времена, уроки прошлой борьбы трудящихся, профсоюзный и разнообразный партийно-политический (не только большевистский) опыт оказываются ненужными, невостребованными. Ни к революции 1905-1907 гг., ни к революциям 1917 года не возникает никаких вопросов со стороны все еще зародышевого демократического движения трудящихся. А

социалистического движения нет в современной России даже и в зародыше.

В то же время процессы обнищания, деклассирования трудящихся, люмпенизации населения привели к росту влияния, особенно на молодежь, идеологий, близких к фашизму, неонацизму, расизму. Приходится констатировать рост шовинистических настроений, возрождение и закрепление имперских стереотипов массового сознания в среде трудящихся и обывателей, смыкающихся с имперским характером политики федеральных властей. В этих условиях у все большей части рабочих возникает интерес не к опыту общедемократических или социалистических движений и революций, а к опыту итальянского фашизма, гитлеровского нацизма и сталинской контрреволюции.

Нынешнее состояние самоорганизации и социальной активности трудящихся, далекое от классовой самоорганизации и классовой борьбы, не дает никаких оснований для того, чтобы прогнозировать практический интерес к целям, способам борьбы, тупикам и достижениям рабочего движения во времена его зарождения в царской России и, тем более, во времена его революционных подъемов.

В этих условиях изучение революционной отечественной истории неизбежно превращается в академическое (научно-исследовательское) занятие. Наука, ориентированная на обслуживание интересов и борьбы трудящихся, отвечает сегодня на вопросы, которые еще не заданы социальной практикой трудящихся. Наука дает заготовки впрок.

Итак, чем ценен может быть трудящимся, поднявшимся на реальное организованное сопротивление, на классовую борьбу, опыт первой русской революции? Остановлюсь только на одном ценном порождении этой революции – на **советах**.

Опыт советов начала XX века (до их превращения после Октябрьской революции в органы, маскирующие

диктатуру правящей партии), – это, во-первых, опыт **народного контроля** за действиями властей и капитала.

Это, во-вторых, опыт создания и деятельности **параллельной народной власти** – власти трудящихся, действующей одновременно с органами власти господствующего класса.

Это, в-третьих, опыт осуществления власти принципиально иного типа, нежели буржуазно-демократическая и тоталитарная (диктатурная), - власти **народно-демократической**.

Это, в-четвертых, самый первоначальный опыт **демократической организации пространства жизни трудящихся**.

В 1905 г. в России возникли выборные Советы рабочих депутатов и Советы крестьянских депутатов, а после Февральской революции 1917 г. образовалась сеть Советов рабочих и солдатских депутатов. Именно двоевластие обеспечило мирное, без гражданской войны отстранение от власти Временного правительства. В ходе четвертой русской революции трудящиеся "вспомнили" опыт создания структур своей параллельной власти и народного контроля: в шахтерских регионах в 1989-90 гг. создавались и реально действовали как вторая власть рабочие комитеты, были организованы и контролировали выполнение соглашений с правительством рабочие комиссии.

Создание трудящимися структур параллельной власти народно-демократического типа (типа первоначальных советов) – закономерность в периоды подъемов рабочего движения. Сегодня есть полный ответ на вопрос о принципах организации народно-демократической власти. Эти принципы выявила история и российского, и зарубежного рабочего движения. Они обобщаются в понятии "**перевернутая пирамида власти**". Перевернутая – по сравнению с властной пирамидой и буржуазно-парламентской демократии, и тоталитаризма.

Буржуазно-парламентская демократия на словах признает источником власти народ. На деле же она не приемлет реального влияния народа ("электората") на позицию парламентариев после выборов, превращает голос депутата в дефицитный дорогой товар на рынке голосов в пользу тех или иных законопроектов. Избиратели передают парламентариям полномочия по принятию властных решений. Принципиально то, что парламентарии могут по собственному усмотрению (или по усмотрению своих партий) выполнять или не выполнять предвыборные платформы, на которые ориентировались избиратели, отдавая им свои голоса. *"Мы их выбрали, а они нами командуют"* - вот суть парламентарной демократии.

Буржуазно-парламентская демократия нуждается в референдумах по важнейшим вопросам, чтобы заставить парламентариев считаться с волей большинства избирателей. Это один из необходимых механизмов, предотвращающих существенные деформации буржуазной демократии.

В тоталитарных системах командиров над народом не выбирают. Они водружаются на вершину властной пирамиды либо при помощи лжевыборов, либо и вовсе без них.

В "перевернутой" пирамиде народ действительно (а не на бумаге) является единственным источником власти. Властные полномочия не передаются избранным командирам и не узурпируются ими без выборов. Органы народно-демократической власти формируются из людей, которые имеют полномочия лишь представлять в обсуждениях, голосованиях и согласованиях позиции тех социальных субъектов, которые их делегировали (трудовых коллективов, территориальных и иных социальных общностей, социально-профессиональных и других общественных организаций и пр.). Иначе говоря, делегаты действуют на основе и в рамках ***императивного мандата (обязывающего наказа)***, а

отступление от мандата недействительно без ратификации "вверху", т.е. теми, кто их делегировал. Императивность мандата предполагает и право на немедленный отзыв делегата в любой момент, а не по истечении заранее установленного срока полномочий.

Главное в механизме народно-демократической власти (коллективного демократического самоуправления) может быть описано следующим образом.

а) Все властные решения принципиального (в том числе законодательного) характера принимаются теми социальными субъектами, деятельность которых должна затем регламентироваться этими решениями. Полная подконтрольность этим социальным субъектам их делегатов-представителей обеспечивается императивностью делегатских мандатов (обязывающим характером наказов).

б) Принципиальные властные решения принимаются путем согласования позиций, представленных в императивных мандатах делегатов. Процедура согласования позиций предполагает обращение делегата к тем, кто его делегировал, всякий раз, когда встает вопрос о необходимости изменить содержание мандата (наказа).

в) Управленческий аппарат функционирует лишь как исполнитель принципиальных властных решений.

г) Социальные субъекты (непосредственно или в лице своих делегатов), коллективно принимающие решения, действуют как представители всего народа, поскольку они не нарушают, а соблюдают и проводят в жизнь законы, ранее принятые делегатами, представляющими все множество социальных субъектов, составляющих народ.

д) В "больших" социальных системах (общество в целом, регионы, большие трудовые коллективы и пр.) отправление функций народно-демократической власти строится как многоступенчатая процедура:

формируется пирамида органов (советов);
каждая следующая ступень этой пирамиды (кроме первой) формируется из делегатов органов (советов) предыдущей ступени (например, региональный совет – из делегатов советов трудовых коллективов и советов жителей территорий, входящих в регион).

е) Императивность мандатов делегатов обеспечивает функционирование всей системы советов как **практически постоянно действующего многоступенчатого референдума**. Именно поэтому народно-демократическая (действительно советская) власть не нуждается в проведении специальных референдумов по отдельным вопросам.

Важно отметить, что современные электронные средства связи позволяют функционировать “перевернутой” пирамиде власти с достаточной скоростью движения информации в ней по всем каналам, причем функционировать не только в масштабах предприятия, региона, страны, но и в мировом масштабе. Тем самым снимается главный довод критиков такой системы власти – ее неповоротливость, невозможность быстрого принятия решений. Замечу попутно, что противники советской формы власти, доказывая ее неповоротливость, берут для доказательства мелкие, частные, текущие вопросы и спрашивают, есть ли смысл собираться всем народом, чтобы решить, пора ли подметать пол или починить забор. Нет, конечно, смысла отвечать на критику такого рода.

Организация государственной власти на принципах народной (советской) демократии – это стратегический ориентир трудящихся и эксплуатируемых. Однако освоение, использование и развитие (в ходе применения) этих принципов чрезвычайно важно **для демократизации внутренней жизни** организаций и движений трудящихся, действующих в рамках капиталистического общества, - профсоюзов и других организаций, в том числе политических организаций

партийного характера. Конечно, по сравнению с казарменным централизмом, на принципах которого были организованы и КПСС, и профсоюзы в СССР, парламентарная демократия – огромный прогресс.

Однако в организациях трудящихся, построенных по образу и подобию буржуазного парламентаризма, не могут быть удовлетворительно решены такие проблемы, как оперативное обновление состава выборных органов; обеспечение подконтрольности выборных органов "рядовым" членам организации; потребительско-иждивенческое отношение к выборным активистам ("мы тебя избрали, мы тебе доверяем - ты и работай, защищай нас"); защита выборных активистов от произвола администрации и властей и от соблазна перейти на их сторону.

Но самая главная и постоянная проблема - повышение активности основной массы рядовых членов организации в исполнении решений выборных органов. Она не может быть решена ни альтернативными выборами, ни практикой регулярных отчетов руководящих органов перед рядовыми членами, ни коллегиальностью принятия решений, ни регулярностью общих собраний (конференций, съездов) и т.п.

При использовании принципов народной (советской) демократии проблемы внутренней жизни организаций и движений трудящихся ставятся и решаются существенно иначе, чем все перечисленные выше. Так, проблема отрыва выборных органов ("лидеров") от рядовых членов в советах вообще не может возникнуть, поскольку активисты работают на основе императивного мандата и могут быть переизбраны (отозваны) в любой момент. Существенно сужается поле, на котором может произрастать иждивенческое отношение к лидерам. От произвола и давления со стороны администрации и властей выборные активисты защищены тем, что лишь "озвучивают" решения членов организации. Императивность мандатов выборных активистов в их

контактах с властями, с администрацией предприятий защищает организацию от опасности соглашательского (предательского) поведения активистов.

И, наконец, проблема повышения активности рядовых членов организации. Те, кто озабочен сегодня пассивностью, например, рядовых членов профсоюза, забывают, что речь идет, как правило, об **исполнительской** пассивности, причем о пассивности в исполнении **чужих** решений. Руководство профсоюза ожидает от рядовых членов по сути **не активной позиции, а послушности**. “Перевернутая” пирамида привлекает к принятию основных решений всех членов организации. Полноценное участие в принятии решений существенно повышает вероятность их исполнения, поскольку исполнять надо **не чужие решения, а свои собственные**. Это формирует и ответственное отношение к принятию решений.

На активности послушных и социально апатичных массовое демократическое рабочее и профсоюзное движение не поднимется никогда, даже его зачатки и островки рассосутся. А на чем может подняться? На культивировании в массе трудящихся, в трудовых коллективах, в каждом трудящемся чувства собственного человеческого и гражданского достоинства, готовности к солидарным действиям не по решению профкома или парткома и призыву профорга или парторга, а сознательно. Сознательно – значит в силу понимания связанности своих интересов с интересами и действиями товарища, коллектива, класса и понимания неизбежности и плодотворности классовых выступлений и наступлений на эксплуататора, на всю эксплуататорскую систему.

Революционный подъем рабочего движения в 1905-1907 гг. дает нам уроки человеческого и гражданского достоинства трудящихся. Он дает нам и уроки порождения таких новых форм жизнедеятельности класса, которые позволяют и в период спадов движения сохранять, накапливать, развивать и “из рук в руки”

передавать следующим поколениям демократический опыт, рожденный революциями.

Собственное, на принципах народной (советской) демократии построенное пространство жизни трудящихся классов в рамках буржуазного общества – это такой опыт трудящихся, который может стать гарантией от казарменных перерождений целей и методов преобразования общества, если в будущем политическая революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Именно с таких позиций представляется плодотворным осмысление уроков первой русской революции. Но пока они - забытые уроки. Пока наука, ориентированная на обслуживание интересов и борьбы трудящихся, дает заготовки впрок, которые, возможно, и не пригодятся, если российское общество продолжит свой, по большому счету, **бесконфликтный** дрейф в сторону политической диктатуры на периферии капиталистического мира.

20 октября 2004 г.

Библиотека обществознания большинства

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 33. Стр. 1-120.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

Две тактики социал-демократии в демократической революции. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 11. Стр. 1-131.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

Детская болезнь "левизны" в коммунизме. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 41. Стр. 1-104.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

О нашей революции (По поводу записок Н.Суханова). - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 45. Стр. 378 - 382.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

Первоначальный вариант статьи "Очередные задачи Советской власти". - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 36. Стр. 127 - 164.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич

Очередные задачи Советской власти. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Том 36. Стр. 165 - 208.

Размышления над текстом

**По крупному счёту, по меркам судьбы
и истории...¹⁹**

*Товарищ Наука, построй-ка свои категории!
Товарищ Профессор, весомое слово скажи!
По крупному счёту, по меркам судьбы и истории
Итоги трудов, как итоги боёв, доложи!*

*Известно уже: твоё имя в историю вписано.
Но в этом ли дело, коль рвётся познания нить?
Так вышло, что главная книга, -увы!- не написана...
Идеи... Кому передать бы? Кому объяснить?*

Б.Комиссаров

---

¹⁹ Эти размышления написаны ещё в октябре 2000 года. Главный редактор "Российского экономического журнала" А.Ю.Мелентьев обещал мне ничего не править и ничего не печатать без моего ведома. Подло обманул. Испохабил текст и в испохабленном виде опубликовал, ничего мне не сообщив. В прямом смысле слова надругался. Прямо какая-то отрыжка сталинизма и суловщины. Говорят, это его привычная манера. Я решил всё же напечатать текст так, как он был написан.

1.

Четыре тяжелых красивых тома - это как подарок и одновременно как вызов.

Почему говорю "как подарок"? Потому что многотомники - это признак общественно-научной канонизации, отнесения к классикам, итог естественно-исторического отбора. А тут - живой, работающий, всю думаящий Леонид Иванович, которого мы знаем, с которым кое-что обсуждаем, текущий строй мысли которого представляем, который находится в одном с нами научном процессе и ещё не всё сказал, не всё своё додумал, ещё скажет, ещё напишет. И единство наших подходов, и расхождения, и спорные меж нами моменты ещё "в работе", ещё продолжаются и продолжатся. И надо думать, что четвёртый том - не последний. Продолжение последует. Не каждый может подержать в руках в 70-летний юбилей свой четырёхтомник. А Л.И.Абалкин - держит! Молодец! Радует и завидуем.

Не каждый может... А между прочим, далеко не каждый и хочет. Последние 10 лет размыли и переоборудовали критерии заслуг. Вот уж воистину: "старые критерии уже разрушены, а новые ещё не спущены". И предъясняется подчас диковинное. Этот партработник, оказывается, всю-то свою жизнь был глубоко верующим. Этот офицер (и член КПСС) носил нательный крестик. А главный партидеолог давным-давно пришёл к убеждению, что марксизм не только ошибочен, но и вреден... И становится непонятным, не почему прежняя система пала, а почему так долго держалась.

И в общественных науках не без этого. Возник новый вид шантажа - просто назвать тему вашей диссертации. Например, "Великие сталинские стройки коммунизма". Или, допустим: что-либо "...на этапе развёрнутого строительства коммунизма" или "...в условиях развитого социализма" - га-га-га! Специалисты высокой квалификации по научному коммунизму теперь политологи. Политическую экономию перестали

преподавать в университетах (например, в Московском, где она преподавалась до этого лет двести). Не проверял, но уверен, что представляемые по прежней форме №3 списки научных публикаций у многих теперь "прополоты". Да что списки! Сотрудники кафедр, чью неустанную "борьбу за чистоту идей марксизма-ленинизма" кое-кто из нас ощутил на своей шкуре, теперь сплошь либералы-рыночники и уже облаивают тебя за марксизм с неменьшим рвением, чем прежде облаивали "за отступление от марксизма, за ревизионизм". Такие теперь "крутые повороты истории".

И вот тут Л.И.Абалкин бросает вызов: публикует свои книжки за все последние десятилетия в том виде, в каком они в первый раз увидели свет. Это сделано правильно. Человеческое достоинство в науке так и выглядит. Но для этого оно должно было быть всегда - от начала до конца. За добрый пример коллеге Л.И.Абалкину спасибо!

2.

В годы перестройки, ещё до своего вице-премьерства, Леонид Иванович на круглых столах и учёных советах в Институте экономики АН СССР принялся было призывать коллег перестроиться, критически отнестись к тому, что устоялось до кондиций привычной азбучной истины, а на самом деле стало бессодержательным стереотипом мысли. Правильно, конечно, призывал. Но, будучи человеком советским и коллективистским, впадал в стереотипное "все мы...". Типа: "Ну, что греха таить, все мы обосновывали..." или "Советские экономисты до сих пор не разработали..." И другие подобные вариации на стандартную установку КПСС: "Советская экономическая наука в большом долгу перед народнохозяйственной практикой". Однажды я возразил ему резкой репликой: "Не все! Не надо обобщать до ста процентов. Среди нас есть и такие, которых перестройка догоняет!" Леонид Иванович молча

выслушал и никак тут же не отреагировал. Но обобщать перестал, так что я зауважал его ещё больше.

К чему это я? А к тому, что недифференцированный взгляд на экономическую науку советского периода совершенно необоснован и неплодотворен. Как китайцы не все на одно лицо, так и мы в советской экономической науке не носители какого-то стандартного набора идей и мыслей. И Л.И.Абалкин - не как все до одного, а относится к одному из типов учёных-экономистов России второй половины XX века. И его четырёхтомник избранных трудов интересен как собрание сочинений этого именно типа. Сейчас разъясню, что имеется в виду.

По внешне-анкетным данным Л.И.Абалкин - экономист гладкой поступательной карьеры, да что мудрить - номенклатурный экономист. И теоретическую кафедру в АОН при ЦК КПСС возглавлял, и на Институт экономики АН СССР Отделом науки ЦК КПСС поставлен, и в Правительство СССР как свой, надёжный был рекрутирован, а до того ЦК КПСС избрал его в народные депутаты СССР. И в ЦК КПСС состоял, и верхами всегда был уважаем и ценим, и проработкам-критикам не подвергался.

Научные заслуги складываются, однако же, совершенно не связано с качеством формальной карьеры, с "прохождением службы", так сказать. Ты занимал должности? - какое дело до этого науке? Ты подвергался преследованиям? - но это вовсе не научная заслуга. Скажи, чего до тебя и без тебя не было в науке, что ты в науку внёс и в ней утвердил.

Когда грядущий историк общественно-экономической мысли станет вникать в особенности того периода развития российской экономической мысли, в котором активно действовал академик Л.И.Абалкин, этот грядущий историк, будем надеяться, примет за критерий значимости мыслителей не награды, не должности, не многотомники даже, а прежде всего общественную (общественно-политическую, так научно точнее)

расстановку мыслительных когорт, течений мысли, векторы (направления) и глубину приращённых знаний. Может быть, кто-то будет выделен персонально как особо даровитый и плодовитый, опережавший своими постановками и аргументами современников. Может быть. Но главное - оценка будет дана по существу научного вклада и соразмерно этому вкладу. С учётом исторической девальвации, конечно.

Так вот: в этой грядущей исторической оценке Л.И.Абалкин не будет числиться по разряду "номенклатурная апологетическая наука". Это я вам гарантирую уже сегодня. Почему?

А потому, что можно сколько душе угодно валять дурака на тему суперобъективности науки, беспартийности науки, её надпартийности, неидеологизированности и т.п. и т.д., НО! Но научное познание таких объектов и предметов, как общественный строй, кризис общественной системы, экономическая реформа, вариант экономического развития страны, а тем более - вариант её общественного строя, организационно-экономические отношения, хозяйственный механизм, конкретно-историческая системная комбинация хозяйственных укладов (знаменитая смешанность), эффективность общественного производства, да вообще всего и любого политико-экономического и социально-экономического не может быть беспартийным, аполитичным.

(Я очень опасаюсь, что культурный учёный и преподаватель обидится, если я сейчас начну разъяснять понятие партийности в науке. Поэтому воздержусь. Но вообще-то я сталкивался с прямолинейными представлениями, когда иной учёный аргументирует беспристрастность и непартийность, а то и надпартийность своей научной позиции тем, что, дескать, "я никогда не состоял в партии и теперь не состою". Остаётся только восхищаться образчиками дикого интеллекта.)

Полноценной, то есть политической экономической наука остаётся до тех пор, пока видит будущее, а в связи с ним и настоящее, и прошлое не "вообще", а применительно к интересам разных социальных групп. В столь полном объёме политический взгляд экономистов на свой предмет был крайне затруднён в условиях СССР, поскольку политический плюрализм придавливался и искоренялся. Тем не менее он не мог исчезнуть вовсе, а, будучи искоренённым, не мог не возникать заново в силу самого предмета нашей науки. Некое идеологическое отношение к изучаемому обществу оставалось и проявлялось достаточно отчётливо, как только речь заходила о самостоятельных оценках ситуации, о предложениях (особенно комплексных) по **совершенствованию** хозяйственного ли механизма, организационной ли структуры, воспроизводственных ли пропорций. Кроме того, мы же почти все были вовлечены в работы по долгосрочному прогнозированию, а это поприще ого-го какое идеологизированное!

Во всех подобных экономических разработках оценочное отношение, ценностное отношение к существующей экономической и - шире! - общественной системе было просто рабочей необходимостью, оно складывалось и существовало. И оно было неодинаковым, весьма и весьма нетождественным по существу, по-разному мотивированным. Как минимум, можно выделить три типа отношения советских экономистов к существовавшей в СССР общественно-экономической системе:

1. Полное принятие этой системы как своей, соответствующей твоим идеалам, взглядам на то, как должно быть.

2. Критическое отношение к системе как к нуждающейся в совершенствовании, в реформировании, в модернизации, однако правильной в своей основе, доброкачественной по существу.

3. Отчуждённое отношение к системе, противопоставленность системе как порочной в самой своей основе, как к подлежащей революционной переделке, революционным реформам.

Ну, был, конечно, как обычно, и четвёртый тип - приспособленческий, конъюнктурный. К этому типу Л.И.Абалкин ни с какого боку не относился, как и ни один другой честный, достойный советский учёный-экономист. О приспособленцах говорить не будем - ну их!

Л.И.Абалкин в советское время принадлежал, по моему, ко второму типу из перечисленных трёх. Прочтите четыре тома или любой из них. Вдумайтесь в позицию автора. Восстановите её из контекста и набора подходов и предложений. Подцензурная экономическая литература советского периода трудна для прочтения историком мысли. Различия позиций размывались редакторами-заложниками, страдали от самоцензуры, преследовались главлитом, в итоге не обозначались отчётливо. Г.С.Лисичкин тонко заметил тогда, в советские времена: наши принципиальные различия проявляются в нюансах. Но различия-то были очень существенными! Просто читать надо не пофразно, а иначе, иначе... Историки ещё поспорят о способах правильного прочтения обществоведческих текстов советского, жестко подцензурного периода.

Существовавшая в СССР общественная и экономическая система была для Л.И.Абалкина в принципе его системой, принималась им по большому счёту и заботила его своим несовершенством, неиспользованными возможностями изменений к лучшему, полезных модернизаций. Л.И.Абалкин всегда был по-хорошему ответственный энтузиаст добрых перемен, всегда был готов поддержать и крепко поддерживал коллег, работавших на эти добрые перемены. При этом, в отличие от некоторых более поздних решительных радикалов и революционеров, его поддержка не была конъюнктурной и не

корректировалась тем, на каком счету в Отделе науки ЦК КПСС поддерживаемый им коллега. Это многим из нас известно по жизни, это можно проследить и во всех абалкинских книгах советского периода.

Номенклатурные политэкономы-апологеты были совсем не таковы. Выдающимися и притом талантливыми среди них считаю Ивана Ивановича Кузьмина и Николая Александровича Цаголова. И.И.Кузьмин - экономист идеолог махрового сталинизма, грамотный, дальновидный и бдительный защитник "чистоты" сталинских взглядов на систему, её историю и пути развития.²⁰ Н.А.Цаголов был много гибче. Он системно обосновал модернизированный сталинизм брежневско-сусловского периода. Ах, какие квалифицированные "борцы за чистоту" водились на кафедре Н.А.Цаголова в МГУ! Апологеты-профессионалы, орлы!

В политэкономии идеологии сходились клином на вопросе о товарно-денежных отношениях. За этим вопросом на самом деле (то есть содержательно) стояла проблема допустимости или недопустимости для существовавшей сталинистской (тоталитарной) системы хоть какой-то свободы выбора и свободы действия хозяйствующих субъектов (так называемая проблема хозяйственной самостоятельности). Почему так мудрёно закручено? Почему бы не поставить вопрос прямее: о социальной структуре, о распределении власти в обществе и в хозяйстве, а уж отсюда, от характера общественной системы идти бы и к характеру соответствующей ей экономической системы? Почему бы, почему бы... Не забывайте, что сталинизм подменил собою марксизм, а экономическим детерминизмом

---

²⁰ Судьба жестоко обошлась с И.И.Кузьминым, поставив его родного сына на службу безоглядному либерализму. Иван Иванович до этого не дожил, а мёртвым, говорят, не больно. А как бывает больно, знаю по себе: пусть не сын родной, но всё же один из моих любимых и талантливейших учеников стал поделельником в осуществлении экономического геноцида России.

подменил исторический материализм. В позе причины навеки застыла экономика, всё остальное в обществе рассматривалось как следствия. Отсюда и этот выверт мысли: в характере экономической кооперации производства искать отгадку характера общества. Такая вот у них была почти что общепринятая "парадигма".

У политэкономов-апологетов производство не должно было быть и не могло быть товарным. Оборонительные от товарности трактовки и выдумки доходили до степени шедевров. У Скипетрова П.А., если не ошибаюсь, при социализме "производство товаров есть, а товарного производства нет". В "Курсе политической экономии" цаголовской кафедры всё товарно-денежное собрано было в отделе "Экономические отношения, сохранившиеся от досоциалистических форм производства"

Л.И.Абалкин - явно не из этих апологетических когорт. Но и осознанного отчуждения от той, советской системы, намерений "разрыть её до основания", преобразовать революционно у Л.И.Абалкина тоже искать не надо. Г.Х.Попов - хитрая умница! - назвал таких передовых, прогрессивных советских учёных "реформаторами из советской системы" (Том 1. Стр.7). И даже определил их историческую заслугу: их искренние попытки улучшить существовавшую систему ("отмыть добела чёрного кобеля") постепенно наводили и теорию, и практику на правильную мысль о неспособности тоталитарной системы к самореформированию.

В прошлом, по-моему, году на одном из заседаний клуба ВЭО в ходе весьма критической речи по поводу того, что творится сейчас с предпринимательством в России, Л.И.Абалкин приостановился и сделал вдруг важное пояснение:

- Вы меня поймите: то, что я так критикую сегодняшнее положение дел в экономике, не значит, что я хочу возврата прежних порядков. Я честно скажу, я задавал себе этот вопрос, и я знаю: я туда обратно, в то,

как было, - НЕ ХО-ЧУ!! Не хочу. Как вспомню себя директором в то время, так сразу понимаю - туда возвращаться нельзя.

Вот! И тем, кто сознательно противопоставлялся СССРовской тоталитарной системе, и тем, кто принимал её, но не был апологетом, а хотел и готов был её существенно модернизировать и реформировать, - обратно не надо. А апологетам - надо! И программа их (у КП РФ, например) и поныне пронизана одной мыслью, одним ключевым лозунгом - **восстановить**.

Л.И. Абалкин - не с ними. Л.И.Абалкин с теми, кто принял результаты коренных перемен. Хотя твёрдо уверен, что можно было и нужно было делать и сделать дело исторических перемен иначе.

3.

Тут самое время вникнуть в сугубо абалкинскую тему "неиспользованного шанса". Экономист был включён в состав правительства СССР, более того - в состав руководства правительства. Включён в эпоху объявленной перестройки. Включён для разработки программы широких экономических реформ и для непосредственного руководства осуществлением этих реформ. Редкая и счастливая удача для учёного: можно практикой проверить научные выводы, научные теории, доктрины и концепции. Можно организовать коллег-единомышленников для совместного практического действия.

За год до назначения в правительство Л.И.Абалкин получил резкую оценку своего выступления на партконференции КПСС, своего рода предупреждение. М.С.Горбачёв к удовольствию партноменклатуры (да и в угоду ей) публично пожурил Леонида Ивановича за экономический детерминизм в его взглядах и подходах. Я лично полагал тогда, что Абалкин наконец-то порвёт с высшим руководством страны, воспользуется случаем, сделает вид, что обиделся и дистанцируется. Ан нет! Всё

сложилось иначе. Не только не порвал, но пошёл активно помогать. А у тех была острая нужда в умных людях. По всей стране пошли тогда выдвижения “свежих” людей на очень высокие номенклатурные должности и в столице, и на местах.

Интересно было бы спросить у М.С.Горбачёва, что он имел в виду, когда нашел “следы экономического детерминизма” в выступлении Л.И.Абалкина. Как говорится, уж чья бы корова мычала! Вся официальная идеология КПСС со времён И.В.Сталина и есть доподлинный экономический детерминизм (экономический материализм), то есть до предела, до перехода в противоположность вульгаризованный марксизм. В строго научном смысле изъян культуры мышления, называемый экономическим детерминизмом, конечно же, присутствует в воззрениях Л.И.Абалкина и не только его, а большинства советских экономистов и обществоведов. И причина этого присутствия - как раз общественная среда, в которой мы формировались, среда монополии на идеологию, среда идеологического засилия экономического детерминизма как государственной и обязательной для всех идеологии. От марксизма тут оставались одни только слова и термины, а их наполнение было совсем не марксистским, а сталинистским.

Л.И.Абалкин сделал в советское время поразительно много как раз для восстановления марксистского содержания политической экономии. Его книги “Политическая экономия и экономическая политика” (1970); “Диалектика социалистической экономики” (1981), его вклад в новый официальный Учебник для вузов “Политическая экономия” (1988) - документальные доказательства этого. Разработки Л.И.Абалкина по хозяйственному механизму и особенно по организационно-экономическим отношениям намного опередили и изначально качественно превзошли американские книжки по институционализму именно

потому, что исходили из марксистской методологии (это, кстати, одна из традиций передовой российской экономической мысли ещё с XIX века).

Нет смысла инспектировать задним числом теоретические работы Л.И.Абалкина на предмет обнаружения в них "следов" или изъянов экономико-детерминистского толка. Нет сомнения, что когда Абалкин вошел в правительство СССР, он мог поучить диалектике любого из членов правительства и любого из высшего партийного руководства. И то, что правительство СССР в 1989-1991 г.г. действовало, исходя из косных, метафизических, отнюдь не диалектических представлений об обществе, - вина не столько Абалкина, сколько номенклатуры КПСС, чьи интересы как правящей касты тоталитарного СССР это правительство последовательно и выражало.

4.

О правительстве Рыжкова-Абалкина стоило бы написать серьёзную научную книгу именно с точки зрения взаимосвязи и взаимовлияния власти, идеологий и доминирующей в обществе культуры мышления. По крупному-то счёту это то правительство, которое не увидело революционную ситуацию с стране. Стоит вспомнить, как упорно высшие форумы КПСС оценивали ситуацию в СССР как предкризисную. По всей вероятности, сказывался экономический детерминизм как господствующая идеология. Согласно ему, пока держится экономика, будет держаться и "вся соответствующая ей надстройка".

Надо быть совсем никаким обществоведом, чтобы обнаруживать и объяснять *прямую и однозначную* связь тех или иных теоретических доктрин или только представлений и случившийся вектор или событие хозяйственной или хозяйственно-политической практики. Но некая реальная их связь все же имеется, некая

доминанта складывается. Притом на основе взаимовлияния.

Когда читаешь “Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве”, живо представляешь гамму переживаний теоретика (так ясно и так системно представляющего, что, как и в какой очередности надо делать), попавшего в лабиринт иерархически выстроенных кабинетов, комиссий, комитетов, визирований, аппаратных влияний, нахрапистых требований, циничных расчётов, сговоров, журналистской слежки и т.п. и т.д. Всё представляется тут помехами, факторами возрастания энтропии. И именно в эту сторону, если правильно понимать, сказано крылатое абалкинское: “Главное - не мешайте! Дайте сделать, а потом судите...”. Недавно вот и Примаков выражался примерно так же. Но “нельзя жить в обществе и быть свободным от общества”. Тем более, когда взялся им управлять.

Повторю: прямой, однозначной и непосредственной связи идей и событий не бывает. Тем не менее правительственная деятельность учёного даёт хорошие возможности поразмыслить о единых корнях идеологических представлений, теоретических построений и практических действий. Возьмём несколько примеров (аспектов).

5

Л.И.Абалкин с любовью говорит о “строгой экономической логике”, об “элементарной экономической логике”. Почему именно об экономической, а не о всякой логике? Да потому, что так вытекает из усвоенных им представлений о высшем критерии общественного прогресса. Вот из книги 1981 г. “Категория высшего критерия общественного прогресса занимает важное место в марксистско-ленинской теории. Его обобщённую классическую характеристику дал В.И.Ленин, который писал, что интересы развития производительных сил, а

анализ социально-экономических процессов с точки зрения состояния производительных сил выступают в качестве высшего (основного) критерия общественного прогресса, всего общественного развития” (том 1, стр.349-350).

Да в сочинениях В.И.Ленина есть места, к которым очень подходит сокрушённый комментарий 70-летнего Ф.Энгельса: “...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счёте* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. ...Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует”.

Маркс-то о высших критериях общественного прогресса рассуждал не в плоскости производительных сил (и - шире - не в экономической плоскости), а в аспекте освобождения от эксплуатации, от классовых антагонизмов. Да и В.И.Ленин в реальной своей правительственной и государственной деятельности отдавал первенство не экономике, а политике. Даже иницилируя первый в мире долгосрочный народнохозяйственный план (План ГОЭЛРО), В.И.Ленин рассматривал его в первую очередь не с экономической, а с политической стороны. В январе 1920 г. он обращает внимание Г.М.Кржижановского, работавшего над проблемами электрификации, на потребность выработки не просто технического, а политического, государственного плана, понимаемого как “задание пролетариату”. “Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой...” (В.И.Ленин. Полн.

собр. соч. Т. 40. Стр.62.) А для чего нэп, для чего великолепная денежная реформа? Для "смычки" города и деревни, для союза рабочих и крестьян.

А для чего политика стабилизации правительства Рыжкова? Для устранения бюджетного дефицита. Хорошо это? Хорошо бы. Но это для экономики, это "по строгой экономической логике". Однако не в экономике таился системный кризис советского общества. Эпицентр кризиса общественного кризиса охватывал два "проклятых" вопроса: монополия номенклатуры КПСС на власть и имперский характер подчинения республик СССР "сильному союзному Центру". Это я так считал и считаю. У правительства был на это иной, совсем иной взгляд.

Правительству Рыжкова всё время мешало работать, "останавливать нарастание негативных процессов", "вытаскивать страну из того болота, в которое она всё более и более погружалась", то есть делать экономическую (и именно экономическую) реформу - думаете что мешало? Начинаясь демократическая антитоталитарная и антиимперская революция. У революции не было терпения, не было понимания, что сложные дела быстро не делаются. Дул "ветер социальных притязаний"; "нарастали центробежные силы сепаратизма"; бастовали шахтёры, а руководство страны "не проявило твёрдости и взвешенности при переговорах с бастующими и при подписании соглашений", парламент страдал "эйфорией законов"; проклюнувшаяся демократия имела "болезни подросткового возраста", которые "били по недавно сформированному правительству и дискредитировали его", неоднократно "парламент оказывался в оппозиции правительству" и т.п. В итоге реформаторские усилия правительства создавали нечто жизнеспособное медленнее, чем шло разрушение традиционных структур. Когда говорится о созидании, речь, конечно же, сугубо об экономическом, о "формировании рыночных механизмов".

В июле 1991 г. Л.И.Абалкин так формулирует один из уроков на будущее: "Опыт прошедших полутора лет ещё раз подтвердил то, что хорошо известно из мирового опыта осуществления радикальных экономических реформ: можно рассчитывать на успех лишь при наличии авторитетной исполнительной власти и при достижении общественного согласия. Причём сила этой власти должна быть основана на её авторитете, доверии общества и уважении к Закону.

Отсюда один из важнейших уроков на будущее: надо всеми силами добиваться укрепления авторитета и ответственности властных структур. Они должны получить мандат доверия народа, заключить своего рода контракт с обществом на реализацию намеченной программы. После её рассмотрения и одобрения исполнительная власть должна получить самые широкие полномочия и свободу деятельности, разумеется, в рамках Закона. Главное требования, при котором новые люди могут взять на себя ответственность за реализацию предложенной программы, - не мешать!" (том 3, стр.246).

Ясно пишет и мыслит Леонид Иванович! Но на его ясность есть и наша ясность, даже две. Первая: "мандат доверия народа" и по-настоящему "новых людей" может дать только политическая революция, но никак не "здоровое ядро в ЦК КПСС", пошедшее (и спасибо ему на этом!) на перестройку как на обновление прежней системы.

Вторая наша ясность. В истории есть радикальные реформаторы двух основных типов: одни говорят "не мешайте!" и даже пресекают помехи со стороны массы; другие (как большевики-ленинцы) призывают массы и "каждую кухарку" из массы "учиться управлять государством". "...Без привлечения к общественному строительству новых слоёв народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи". Это, как вы понимаете, В.И.Ленин (том 36, стр.154). У

Л.И.Абалкина на примерно ту же тему по-другому: “Мы не сразу осознали необходимость борьбы за общественное мнение, за его поддержку. А это было совершенно необходимо в новых, изменившихся условиях. ...Однако старый опыт, текучка, привычка к давно сложившимся методам работы не позволили своевременно осознать важность этой деятельности нашего кабинета, по существу и составляющей содержание политики. К концу его работы необходимость в таких действиях и структурах становилась всё более очевидной, начали осуществляться и практические шаги. Но, к сожалению, время было потеряно безвозвратно”. (Том 3. Стр.44-45)

6.

Давайте теперь не позабудем поговорить о “центробежных силах сепаратизма”. Очень серьёзный аспект деятельности правительства СССР в 1989-1990 г.г.

“Сепаратизм” состоял поначалу в идее республиканского хозрасчёта, выдвинутого хитрыми эстонцами. О политической свободе балтийские советские республики тогда ничего не говорили вслух, а если ты говорил, считали тебя за провокатора. Поэтому, “чтоб никто не догадался”, говорили о республиканском хозрасчёте. Не знаю уж, почему они считали Л.И.Абалкина, Ю.Д.Маслюкова, В.А.Медведева, С.С.Ситаряна абсолютно недогадливыми. Но так или иначе (а в основном из-за неверия в свои силы и переоценивая управленческую мощь “сильного союзного Центра”), ставили вопрос скромно “переведи меня на хозрасчёт”. Тем самым “сепаратисты” здорово осложняли себе задачу, соглашались играть по правилам правительства Рыжкова “политика - отдельно, экономика - отдельно”. Это позже, с 1990 г. народные фронты набрали силу и поставили вопрос политически. Литва даже объявила о выходе из СССР (11 марта 1990 г.), за что получила от правительства Рыжкова имперскую кару -

47-дневную экономическую блокаду. Об этой блокаде её организаторам стыдно вспоминать. Но что было, то было.

Но сперва в ход шли только экономические аргументы. Политико-экономической опорой правительственных мер по отношению к "сепаратизму" служило учение об обобществлении в народном хозяйстве и едином народнохозяйственном комплексе. Правительство СССР развернуло тогда, что называется в ассортименте, именно экономико-детерминистскую, абсолютно недиалектическую систему аргументов. Главными были такие заходы и сюжеты: "А выгоден ли республикам хозрасчёт?"; "Считаться с логикой реального обобществления!"; "Республиканский бюрократизм - не лучше общесоюзного"; "Быть радикальнее: шагнуть от союзной ведомственности не к республиканской ведомственности, а сразу к самостоятельности предприятий"; "Если разрешить хозрасчёт одним республикам, то как же другие?"

Та пора запомнилась мне ощущением, что нахожусь по другую сторону баррикад от Л.И.Абалкина. По просьбе "сепаратиста" Р.Отсасона пришлось даже написать теоретическую работу "Проблематика республиканского хозрасчёта в контексте перестройки национально-политических отношений в СССР". "Сепаратистка" К.Прунскене распространяла её среди депутатов от балтийских республик, вооружала их в борьбе с аргументами правительства. Никто из нас тогда не поступился принципами, но какими разными оказались в 1989-1990 г.г. взгляды почти что единомышленников в 70-е годы!

7.

Обстоятельства заставляют существенно менять взгляды. Даже на фундаментальные вещи. Такие, например, как собственность.

В теоретических трудах Л.И.Абалкина фигурирует категория "собственность на средства производства". Это

одна из “вульгарных теней марксизма” (удачно философ Г.С.Батищев окрестил экономический детерминизм). У К.Маркса такой категории сроду не было и быть не могло. Но не в этом дело. Дело в том, какие отношения доминируют в собственности: имущественные (субъектно-объектные) или властно-хозяйственные (субъектно-субъектные). Формула “собственность на...” потенциально отдает приоритет имущественному аспекту и в конце концов допускает диковинные сентенции типа “государственная собственность - ничья собственность”.

Для деятельности правительства Рыжкова эти теоретические сюжеты имели значение. Ведь именно это правительство под давлением требований об отмене статьи 6 Конституции СССР в начале 1990 г. провозгласило курс на разгосударствление и приватизацию государственной собственности. И не только провозгласило, а вело активную трансформацию номенклатурной государственной собственности в номенклатурную частную. При этом все записи о собственности в Конституции СССР оставались без изменений. Вот тебе и “уважение к Закону”.

8.

Г.Х.Попов в предисловии к изданию так резюмирует тему “упущенного шанса”: “Процессы в обществе шли гораздо быстрее любых усилий аппарата. Шанс реформ сверху, реформ прогрессивными силами руководства КПСС...был упущен. Ну а если говорить честно, этого шанса практически не было. Аппарат - даже самый большой по составу кадров, возглавляемый самыми светлыми головами - не может заменить процесс созревания самого общества.” (Том 1. Стр.11).

По-моему, если говорить не только честно, но и научно, шанса реформ не было ни практически, ни даже теоретически. Тоталитарная система не способна к самореформированию. В 1983 г. эта мысль была высказана как теоретический вывод и как научная

гипотеза. Горбачёвская перестройка - очень весомый аргумент, подтверждающий этот вывод. Участие же Л.И.Абалкина в правительстве - аспект этого аргумента. Такие кадры, лучшие кадры и - безуспешно. До этого кадры были много послабее - и тоже экономическая реформа захлебнулась и раз, и другой...

Потому что номенклатура ещё кое-как терпит экономические перемены, но как только эти перемены нуждаются в политических переменах, номенклатура вспоминает о репрессиях, о цензуре, о танках и т.п. Верить, что вместо демократической революции можно обойтись экономическими реформами тоталитарного режима - значит не видеть характера самого режима. Это во-первых. А во-вторых, это значит исходить из представлений, что обществу нужны в первую очередь именно экономические реформы, что кризис - экономический. А кризис-то был целообщественный, системно-общественный, была революционная ситуация, а экономические реформы понадобились позже, вытекли из революции и стали поэтому реформами не эволюционными, а революционными. Тут два совсем-совсем разных мировоззрения.

9.

В последние годы живёт и работает совсем новый Л.И.Абалкин. Ему принадлежит четвёртый том "Избранных трудов". Более ли интересен этот Абалкин, чем предыдущий? Не менее. Унаследованы от предыдущего огромная работоспособность, уверенность в своих интеллектуальных силах, страсть к познанию и переработке множества познаний. Абалкин продолжает обобщать.

Совсем по-новому, чувствуется, работает Л.И.Абалкин с Институтом экономики РАН, который на деле стал его институтом. И это - значительная перемена. Учёный отпечатывается в учениках. У Л.И.Абалкина ярких учеников-экономистов нет. Он

отпечатывается в целом научном коллективе. Ну, в добрый час!

Круг учёных интересов, круг рассматриваемых объектов и перерабатываемых идей значительно расширился. Л.И.Абалкин перестал быть экономистом, стал обществоведом. Он судит о "российской идее", о пассионарности, о новых парадигмах, о реформаторских программах прошлого и настоящего, об экономической безопасности. Он понимает С.Ю.Витте, С.Булгакова, Н.Д.Кондратьева, логику общественного прогресса и многое другое. Он и раньше, несомненно, всё это понимал, но не так, как теперь. Как и положено настоящему академику.

Ныне Л.И.Абалкин нередко говорит о надпартийности науки, о её служении всему Отечеству непосредственно. Правда, говорит он об этом как-то слишком уж нередко.

Честное слово не берусь сказать, кому эти четыре тома доставили больше радости - Леониду Ивановичу или нам, его давним друзьям и читателям. Я не случайно не разбираю по существу написанное Л.И.Абалкиным в последние годы. Я решил всё это не просто перечитать, а изучить. По-моему, есть смысл.

Б.В.Ракитский
профессор кафедры социальной политики
Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Библиотека
обществознания большинства

Мысляева Ирина Николаевна

**Вариантность экономических преобразований.
Вопросы методологии, теории и современной
российской практики. - М.: "Высшая школа". 1995. 152
с.**

Фридрих Энгельс

Наброски к критике политической экономии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е издание. Том 1. М.: Госполитиздат. 1955. Стр. 544 - 571.

Плеханов Георгий Валентинович

Искусство и общественная жизнь. - Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения. Том V. Стр. 686 - 748. М.: Изд. социально-экономической литературы. 1958

Ракитская Г. Я.

Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. *Опыт анализа и актуального продвижения методологии.* - Москва. Институт перспектив и проблем страны. 2000. 96 с.

ПРАВИЛА

представления материалов и их публикации в периодическом издании “ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА”

1. Периодическое издание “Обществознание большинства” является научным обществоведческим изданием по преимуществу фундаментального профиля. Идеологическая направленность издания - развитие и пропаганда собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов.

2. “Обществознание большинства” издаётся на русском языке.

3. Материалы для публикации представляются их авторами на русском языке. Обязательно представление текста в электронном виде (на дискете или по E-mail по адресу: university-w@yandex.ru). Представление на бумаге тоже возможно, но не обязательно. Адрес: Периодическое издание “Обществознание большинства”, Проспект Вернадского дом 113 кв. 244. Москва Россия. 119571.

4. Представленные в издание и публикуемые материалы цензуре не подлежат.

5. Окончательное решение об отборе материалов для публикации принимает главный редактор конкретного выпуска. Редактор обязательно сообщает автору, принимается или не принимается к публикации представленный материал.

6. Развернутое рецензирование представленного материала и развёрнутая мотивировка его непринятия для публикации не осуществляются из-за отсутствия для этого у редакции сил и средств.

7. Материал, требующий литературного редактирования или содержащий значительное количество грамматических ошибок, может быть возвращён для приведения в соответствие с нормами русского языка и русского текста (правило касается только авторов, для которых русский - родной язык).

8. Текст печатается в том виде, в каком его представил автор. Редактор в праве предложить автору вариант редакции, если вариант не касается смысла. Автор в праве настаивать на своем варианте редакции. Редактор в праве сделать собственное примечание к тексту, если желает выразить своё отношение к смыслу сказанного автором. Однако автор в праве ответить на это примечание. Последнее слово остаётся всегда за автором. Но он в праве и не комментировать примечание редактора.

9. Редакция не выплачивает гонораров за статьи. Бесплатно автору предоставляются 10 авторских экземпляров выпуска, в котором напечатан его материал. Пересылка за счёт редакции.

10. Редакция надеется на отклики читателей и приветствует их. За редким исключением, редакция не печатает отклики и просто письма в редакцию, но чутко учитывает их в своей работе. Отклики передаются авторам статей. Редакция в переписку не вступает.

Библиотека
обществознания большинства

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. В пяти томах. - М.: Государственное научное издательство "Советская энциклопедия". 1960 - 1970.

Карл Маркс

Тезисы о Фейербахе. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е издание. Том 3. М.: Госполитиздат. 1955. Стр. 1 - 4.

Карл Маркс

Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. - М.: Политиздат. 1988. 891 с.

Плеханов Г.В.

Карл Маркс. - Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения. Том II. - М.: Госполитиздат. 1956. Стр. 717 - 724.

СОДЕРЖАНИЕ выпуска № 1

Ракитский Б.В.

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА

(о задаче формирования и развития фундаментального классового обществоведения) 3

Мандель М.Д (Давид Мандель)

**Борьба трудящихся за социальные права:
о роли идеологии 20**

Мандель М.Д (Давид Мандель)

КЛАССОВАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ 35

К столетию начала

первой русской революции 1905 -1907 г.г.

Два документа (без комментариев):

**ПЕТИЦИЯ РАБОЧИХ И ЖИТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА
ДЛЯ ПОДАЧИ НИКОЛАЮ II 9 января 1905 года 39**

**ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТ-
ВЕННОГО ПОРЯДКА Манифест 17 октября 1905 г. ....
43**

Ракитская Г.Я.

**Забывтые уроки первой русской революции
(ответы на неактуальные еще вопросы) .....
45**

Размышления над текстом

**По крупному счёту, по меркам судьбы и истории...
58**

ПРАВИЛА

**представления материалов и их публикации
в периодическом издании
“ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА” 78**

Библиотека обществознания большинства

(библиографический указатель) 19, 34, 38, 57, 77,79